

ЭДУАРД ЮРЧЕНКО

ЖРЕЦЫ И ФАРАОНЫ

Эдуард Григорьевич Юрченко

Жрецы и фараоны. Сны

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6599099

*Юрченко Э. Г. Жрецы и фараоны. Сны: Университетское
издательство ПУЛЬСАРЫ; Киев; 2011*

Аннотация

Предлагаемая читателю книга – попытка автора в классическом жанре сновидений дать картину событий, которые произошли или могли произойти в наше непростое время.

В своем романе «Жрецы и фараоны» автор дает возможность читателю заглянуть за кулисы жизни «сильных мира сего». Сны и размышления раскрывают секреты устройства политической системы, подтексты, казалось бы, очевидных явлений, временами обнажается страшная правда о механизме функционирования безжалостной властной машины, которая цинично сметает все на своем пути. Динамичный сюжет держит в напряжении до последней страницы: любовь двух молодых людей ломает большие планы высоких чиновников. Сколько человеческих жизней должно быть положено на алтарь властолюбия и жадности? Что ждет героев в конце этого нелегкого пути и какой глубинный смысл имеет каждое из далеко не случайных событий в масштабе не только снов, но и действительности каждого из нас

– об этом читатель узнает, погрузившись в самобытный мир этой книги.

Содержание

Сон первый	8
Сон второй	19
Сон третий	52
Сон четвертый	87
Сон пятый	113
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Эдуард Юрченко

Жрецы и фараоны. Сны

© Юрченко Э. Г., 2011

© Университетское издательство ПУЛЬСАРЫ, 2011

Вы когда-нибудь играли в художественной самодеятельности? Или, скажем, в школьном театре? Возможно, на утреннике в детском садике? Впрочем, к чему эти предисловия?.. Все мы, так или иначе, играем различные роли: когда изображаем вселенскую грусть на лице, пытаюсь уговорить родителей дать посмотреть категорически запрещенный для детей фильм, когда не хотим идти в школу, симулируя аппендицит (меня, кстати, чуть не прооперировали), когда, поступая на работу, убеждаем работодателя в нашем искреннем желании работать именно на этой должности, мечты о которой с самого детства занимали все свободное от учебы и спорта время, когда знакомимся с представителями противоположного пола, обещая всю свою жизнь, и до конца дней, ну и еще что обычно обещают в мыльных операх и телесериалах, и даже когда молимся (как правило, редко и когда здорово прижмет), пытаюсь убедить Творца в своем искреннем раскаянии... Да, да, да, вывод из всего перечисленного вряд ли утешит читающего эти строки – ибо все мы большие лицемеры, вернее, все мы лицемеры с большой буквы. Исключением из этого печального правила являются дети, поскольку

ку только они способны реагировать на этот мир адекватно тому, как его воспринимают... Но детство заканчивается, и мы становимся зависимы от традиций, привычек, правил хорошего тона и делового этикета, государственных и воровских законов, зависти, гордости и еще огромного количества причин, которыми объясняем свои гадкие поступки...

Ммм-дас-с... Мрачноватая получается картинка... Не находите?

Неужели все так плохо? Родился, год в состоянии амебы (ешь, спишь, отправляешь естественные надобности, иногда улыбаешься беззубым ртом, издавая непере译имые и непонятные звуки), первые шаги попеременно с попытками засунуть в рот, а возможно, и съесть по неосторожности не убранные тапочки и другие предметы, несколько лет адекватной реакции на окружающую ситуацию с верой в Деда Мороза да с вопросами, заставляющими краснеть мам и загоняющими в тупик все старшее поколение, и достаточно длинный (от пятидесяти до семидесяти – это уж как повезет) путь лицедея и лицемера с возможным шансом возврата в состояние искреннего восприятия окружающего мира...

Говорят, в старости народ снова впадает в детство, но осветить эту тему смогу лет эдак через двадцать-тридцать, ибо пока из моих уст подобная информация будет звучать несколько надуманно...

Боюсь, это только часть правды, той, которую держим за семью печатями где-то глубоко внутри себя, пытаюсь казать-

ся лучше, чем мы есть на самом деле, правды, о которой часто боимся признаться самим себе, которую хотим унести с собой в могилу (похоже, с пафосом я все-таки немного переборщил).

Так что же остается светлого в душе среднестатистического обывателя в период его временного пребывания на этой грешной земле? Это мечты. Да, да, да... Как бы банально это ни звучало – мечты (не путать с материальными желаниями) о чем-то возвышенном и неосуществимом (победить дракона, достать звезду с неба, совершить подвиг или на худой конец дать в морду этому двухметровому качку с пятого этажа, собака которого с таким завидным постоянством отрывает номерной знак моего автомобиля (извините, отвлекся)... А еще нам остаются сны: добрые и страшные, правдивые и виртуальные, реалистичные и придуманные... Только в них мы можем быть героями там, где в реальной жизни боимся поднять голову или возразить, можем прыгать с девятого этажа и обратно без вреда для здоровья, и самое главное – можем летать. Вот, собственно, об этом и пойдет речь далее. Так что расслабьтесь и не пытайтесь найти в тексте какое-то рациональное зерно – его там просто нет, как нет смысла в «Черном квадрате» Малевича, попробуйте воспринять текст всеми органами чувств или, по крайней мере, прокрутите в голове сюжет, как ленту старого доброго советского фильма.

Сон первый

Дочь Иезуита Татьяна, была славным любопытным ребенком, но уже с пяти лет росла без матери под бдительным присмотром всевозможных нянек и теток, коих отец нанял для воспитания дочери. Иезуит имел достаточно высокое положение в обществе, а чиновничий пост, занимаемый им в каком-то силовом ведомстве, давал огромную власть над большинством граждан той страны. Тысячи подчиненных, подлиз и льстецов, доступ через прослушку и слезку к тайнам других людей и организаций, психологические портреты и аналитические выкладки ведущих специалистов конторы, тексты выступлений и реплик, придумываемые лучшими пиартехнологами, психологами и другими режиссерами человеческих судеб, сделали из Иезуита сверхчеловека, по крайней мере, он был в этом уверен на все сто. Гордыня была вторым именем этого персонажа. С матерью Татьяны он развелся после публикации в какой-то желтой газетке фотографий его персоны с барышнями легкого поведения, в непристойном виде. Вернее будет сказать, что это мать Татьяны подала на развод с Иезуитом. Однако многолетняя безнаказанность и власть сделали свое злое дело, и он, естественно, посчитав себя обиженным, решил этот спор по-своему: редактор издания, напечатавший компрометирующий материал, попал под страстное преследование фискальных

органов, в результате которого потерял не только газету, но и практически все личное имущество; журналист, написавший статью и раздобывший фотоматериалы, был найден полуживой с черепно-мозговой травмой, выжить ему удалось, но память, как и способность здраво рассуждать, к бедняге не вернулись, так что его постоянным местом жительства стала психбольница. Мать Татьяны в ходе слушания дела о разводе и разделе совместно нажитого имущества была признана алкоголичкой, помещена в соответствующее лечебное заведение, лишена родительских прав, а равно, и всяческих прав на какое-либо совместно нажитое имущество. Нельзя сказать, что Иезуит очень боялся потерять контакт с дочерью, скорее наоборот – он бы с удовольствием забыл о ее существовании, однако гордыня и амбиции заставили поступить именно так. Он не мог проиграть, даже когда проигрывал. Все должно было быть в угоду ему, а не так, как хотела его жена. Имея неплохой достаток от не совсем законной деятельности, обеспеченной служебным положением... Тут следует немного оговориться: деятельность-то Иезуита была полностью законной: блюдя государевы интересы, он выполнял простые чиновничьи функции – что-то подписывал, что-то не подписывал, на что-то давал согласие, на что-то нет... с одной маленькой оговоркой – все перечисленное выше делалось им за деньги, которые благодарные посетители перечисляли в малоизвестный фонд как благотворительный взнос на что-то очень высокое и благородное (восстановление храма,

помощь больным детям, развитие самой нужной государству отрасли и т. д.). Дальше все просто: специально обученный человек снимал в банке перечисленные деньги и передавал их другому специально обученному человеку, который эти, уже наличные, пожертвования либо передавал доверенному лицу Иезуита, либо переводил на счет какой-либо оффшорной фирмы, указанной тем самым доверенным лицом Иезуита. Вот, собственно, один из вариантов отъема денег у населения, о которых Остап Бендер даже не мечтал: просто, даже где-то банально, но зато работает безотказно. Конечно, существовали и другие способы получения денег от благодарных обладателей заветной подписи важной персоны, как то: паевые инвестфонды, оказание всевозможных услуг (от юридических до маркетинговых), покупка «мусорных» ценных бумаг, деривативов (фьючерсов, опционов)... Что-то я опять заговорился. Ну, да это, собственно, не так важно, важно то, что наш герой был ой каким небедным человеком. Правда, всю свою небедность он не мог вот так запросто показывать простолюдинам, журналистам, внутренней и государственной безопасности, сослуживцам. Посему все несметное имущество (яхты, автомобили, дома, квартиры) принадлежало де-юре не ему, а обезличенным иностранным компаниям, по большей части оффшорным, или его «друзьям», у которых Иезуит одалживал то или иное имущество во временное пользование бесплатно. А еще наш герой сильно прославился на научной ниве, вернее о нем как об ученом в научных

кругах никто не знал, но гонорарам, получаемым им за чтение лекций и написание научных статей, мог бы позавидовать не только Эйнштейн (дело в том, что согласно действующему законодательству госслужащий не имеет права заниматься коммерческой деятельностью, а, соответственно, получать иные доходы, кроме как от написания научных статей, преподавания и зарплаты... Опять меня понесло). В общем, имея неплохой достаток, Иезуит обеспечил дочери хорошее образование: она пела, играла на фортепиано, рисовала, знала несколько языков, занималась танцами. Несмотря на это, Татьяна не любила принимать участие во всевозможных конкурсах, ее не прельщали известность и слава, она не получала удовольствие от общения с детьми отцовских товарищей, хотя делала это по настоянию Иезуита. К 18 годам дочь превратилась из гадкого коротко остриженного утенка в миловидную особу, что, к своему удивлению, заметил и сам Иезуит. Следует оговориться, что он не был обделен женским вниманием, ибо, с одной стороны, огромная рать подчиненных женщин, мечтающая о служебном повышении, готова была разделить с ним постель, а с другой стороны, все тот же специально обученный человек организовывал (за вознаграждение, естественно) проезд на дом любой из понравившихся Иезуиту моделей или профессиональных жриц любви. В постельном плане Иезуит был что называется озабоченным человеком, причем его озабоченность заключалась не столько в качестве интимного свидания, сколько в само-

утверждении и в еще большем самовозвышении. Так вот, обратив внимание на столь быстрое взросление и созревание дочери, а также на интерес к дочери со стороны сына чиновника, стоявшего рангом выше, наш герой решил воспользоваться сложившейся ситуацией, а именно: замужество дочери принесло бы Иезуиту немалые выгоды – это и приближение к семье Самого, и вообще...

Вот, собственно, основанная на таком нехитром предисловии жизнь героини первого сна текла своим чередом до известного возраста, когда мечты о принце становятся не только мимолетными вожделениями молодой особы, а начинают занимать большую часть ее сознания. В это же время Иезуит, зная своенравный характер дочери, унаследованный от матери, начал хитрую дипломатическую игру по формированию своего будущего в роли члена семьи вышестоящего чиновника, входной билет в которую обеспечивало замужество дочери. В доме Иезуита стали происходить празднования разнообразных знаковых событий, как то: покупка кем-то эксклюзивного спорткара, картины, завода, парохода – да мало ли чего еще, отмечались дни рождения, чьи-то профессиональные праздники и т. д. Множество людей в тот год побывало в доме Иезуита, от звезд шоу-бизнеса до детей-мажоров. При этом всех гостей объединяло одно – среди них не было случайных людей. Честно говоря, Иезуит сам был не в восторге от бедламов, творившихся в доме, однако выбранная тактика приносила свои плоды: Кирилл (сын вышестоя-

щего чиновника) на фоне развязной примажеренной молодежи и уже зарвавшихся полужвезд становился для Татьяны самым близким и понимающим сверстником. Она привыкла к его постоянному присутствию в их доме, да и к тому же это был единственный человек из всех, вертевшихся вокруг, кто ее не раздражал. Однако для Татьяны Кирилл был хорошим, симпатичным парнем и только. Ему же Татьяна нравилась очень и очень. Скорее всего, он был в нее влюблен, влюблен, как бывают влюблены в восемнадцать лет: сильно, страстно и, кажется, на всю жизнь (красиво!).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Не забывайте прокручивать прочитанное в голове, вспомните себя в восемнадцать лет, вспомните те чувства и ощущения, которые вы испытывали при виде дорогого человека. Давайте, не ленитесь.»

Однажды в посольство сопредельного государства, добрососедские отношения с которым, мягко говоря, не складывались, был приглашен Иезуит со своими близкими (он, дочь и очередная пышногрудая, напомаженная, отутюженная, с гордо поднятой головой длинноногая блондинка). На приеме присутствовало огромное количество богатых бездельников и покрытых плесенью чиновников. Большая часть присутствующих, никогда не игравшая в художественной самодетельности, тем не менее с достоинством изображала светских львов и львиц. Барышни с подчеркнутой казательной непринужденностью и легкостью (до боли в каждом по-

звонке) прогибали спины, выпячивая напоказ малоприметные бюсты, лениво покуривали сигареты в длинных мундштуках либо потягивая через трубочку какой-то очень распространенный коктейль (ну, еще в который маслину кладут... Забыл). Кроме того, женщины были одеты во все – не скажу, что самое лучшее, но самое дорогое – это точно: бриллиантовые колье, цепочки, кольца и кулоны могли бы покрыть примерно четверть внешнего долга страны, проводящей прием (шутка). Хотя если сложить состояния всех присутствующих, а затем предположить, что его можно потратить на развитие страны, проводящей прием, то... могли бы быть установлены мраморные унитазы даже в местах лишения свободы той страны).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Кстати, интересная мысль, почему, собственно, мы оцениваем наше с вами состояние по количеству абсолютно ничего не стоящих бумажек, напечатанных где-то далеко-далеко и находящихся в наших с вами карманах? Помните, как в детстве собирали фантики, складывали их в коробочку, прятали, хвастались в детском саду, менялись на другие (один оранжевый на два зелененьких). Как все это началось? Наверное, кто-то тогда подсказал, как надо поступать. Смешно, не правда ли – вырастая, мы продолжаем играть все в ту же бессмысленную игру: все те же ничего не стоящие фантики (я имею в виду деньги), все так же окружающие оценивают вас по количеству и разнообразию этих фантиков – чем

больше, тем лучше, все так же мы их прячем, меняем, иногда дарим (отдаем безвозмездно), но это иногда... Так вот, мысль, которая посетила меня во время написания этих строк: «А почему бы не оценивать наше с вами состояние, привязавшись к иному эквиваленту, ну, скажем, к унитазу – очень нужная, незаменимая в хозяйстве вещь...» (шутка... хотя задуматься стоит, ведь все ваши деньги в один прекрасный момент могут превратиться в бумагу, а унитаз – он всегда будет унитазом, на нем можно посидеть, подумать, одним словом – вещь).»

Мужчины, эти надменные павлины с большими животами, с головами, переходящими в плечи, с сигарами и с коньяком, выпиваемым по привычке залпом и до дна, предпочитали отсиживаться за маленькими столиками небольшими компаниями, деловые разговоры (о футболе, рыбалке, машинах). В качестве украшений у мужчин были женщины (как правило, не жены). Безусловно, все эти пижоны (чиновники, мультимиллиардеры и просто миллиардеры) были не чем иным, как видимой частью айсберга: одни не вершили политику, хотя всем так казалось – они только подписывали что-то и озвучивали то, что им велели говорить (ну, скажем, режиссеры политики), а другие не владели теми несметными состояниями, которые им приписывались, вернее сказать, состояния-то у них были, вот только это были не их состояния, все деньги, равно как и собственность, находились у них во временном пользовании, т. е. в управлении, а ис-

ТИННЫХ ХОЗЯЕВ НЕ ЗНАЛ НИКТО ИЛИ ПОЧТИ НИКТО.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот и мне иногда кажется, дорогой читатель, что те надутые самодовольные личности, о которых мы слышим с голубых экранов и читаем в газетах, покупающие ультрадорогие яхты, футбольные клубы, отели и платящие за обед цену хорошего автомобиля, на самом деле являются всего лишь доверенными особами, слугами, если хотите, своих законспирированных хозяев. Но коль скоро есть хозяин, то, значит, есть кому казнить и миловать. Прокрутите в голове события последних десяти лет и вспомните, сколько вы слышали сообщений о скоростижных кончинах тех или иных влиятельных людей (сердечный приступ, самоубийство либо автомобильная катастрофа), и вот уже мы слышим о новом олигархе, унаследовавшем состояние своего, ну, скажем, тестя (подобрали вменяемого и управляемого, женили на дочери управленца, пару лет на передачу дел и – на покой старика). Ну, да это мои вымыслы, посему относиться к ним надо как к вымыслам, или иначе – это как вам, читатель, будет угодно. По крайней мере, книга моя и писать буду, как хочу.»

Итак, читатель, представь большую кучу актеров, играющих серьезных людей, собравшихся в описанном выше посольстве, и такое же количество похотливых актрис, играющих верных спутниц своих спутников, а вернее спонсоров, дефилирующих туда-сюда, болтающих о том, о сем. Кроме

этой когорты людей, на приеме присутствовали уже достаточно взрослые дети приглашенных и всяческий обслуживающий персонал – от звезд шоу-бизнеса до швейцаров и официантов. В основном зале стояли большие и малые круглые столы, убранные белыми атласными скатертями, уставленные большим количеством посуды и всевозможных приборов, пользоваться которыми не умел почти никто (возле каждой тарелки лежало по три вилки и по три ножа разных размеров и, вероятно, разного предназначения!) На блюдах посреди столов возлежала разнообразная снедь, украшенная зеленью и фигурно вырезанными овощами, бумажные салфетки и пластиковые шпажки. По залу туда-сюда сновали официанты с большим количеством алкогольных напитков. Часа через три разгоряченная спиртным светская публика, неприлично улюлюкая и выкрикивая бородатые либо пошлые тосты, шарила похотливыми глазенками по талиям и другим частям тел присутствующих. Кто-то даже пытался поруководить оркестром, а кто-то начинал любезничать с чужой барышней, пытаясь как бы невзначай пощупать оную на предмет целлюлита. В общем, каждый веселился как мог. Вечеринка была закрытая, т. е. не совсем официальная, а, соответственно, без журналистов.

Примажоренная молодежь старалась не отставать от ископаемого поколения и подналегала на спиртное. Ей был отведен отдельный зал, заказана дюжина популярных исполнителей, плюс полная свобода от предков, занятых нудными раз-

говорами о политике. Они прыгали, кричали, бились головой о стенку, занимались непристойными вещами – развлекались, одним словом. На вечеринке Татьяна была по обыкновению с Кириллом. Вот, собственно, в этом зале возле стойки бара и произошло первое знакомство Татьяны и Андрея.

Сон второй

Так получилось, что он оказался рядом с ними. И если основная часть публики, сидевшей за стойкой бара, была повернута лицом к залу, то Андрей, пока еще незнакомец, сидел лицом к бармену и разгадывал какую-то головоломку со спичками, медленно перекладывая их с места на место. Он иногда прикладывался к стакану с прозрачной жидкостью и опять погружался в раздумья над головоломкой. Кирилл заказал пиво для себя и свежесжатый морковный сок для Татьяны. Посмотрев какое-то время в зал на беснующуюся молодежь и вдоволь «насладившись» этим зрелищем, Татьяна случайно обратила внимание на Андрея и уже через мгновение с интересом наблюдала за ним. Незнакомец, казалось, не замечал парочку, разместившуюся по соседству, и продолжал настойчиво перекладывать спички, что-то бормоча при этом.

– Интересно? – спросила Татьяна.

Андрей утвердительно кивнул, не поворачивая головы.

– Получается?

Собеседник отрицательно покачал головой, так и не повернув ее в сторону вопрошавшего.

– Хочешь выпить? – пыталась нащупать контакт Татьяна. Незнакомец просто приподнял свой стакан, показывая, что она как раз застала его за этим занятием.

– А потанцевать? – ее начинало разбирать любопытство: что за фрукт такой отморозенный на всю голову – сидит и никак не реагирует (будучи миловидной особой, она всегда была центром внимания, даже тогда, когда искренне этого не желала).

Незнакомец вновь молча отрицательно покачал головой.

– А покачаться под музыку?

– Мужики не танцуют – по слогам пробубнил Андрей.

– Ну а просто постоять под музыку?

– Я под музыку уже просто сижу...

Манера поведения незнакомца все более и более интриговала Татьяну. Ей захотелось взглянуть на него в анфас, а не в профиль, плюс самолюбие – до сих пор ни одна особь мужского пола так цинично не игнорировала ее. Желание протиснуться сквозь железный занавес становилось навязчивой идеей.

– Может, задумчивый Архимед все-таки оставит свои волшебные спички и обратит на меня внимание?

– Уже обратил.

– Когда же? – удивилась Татьяна. – С тех пор, как я подошла к стойке бара, ты ни разу не оторвал глаз от своего релбуса... Может, ты увидел мое отражение в своем стакане?..

– Да нет... Вы Татьяна, дочь Иезуита. Любите танцевать, знаете английский и французский, играете на пианино, поете, не особо любите тусовки и всевозможные мажорные мероприятия, короче говоря – спортсменка, активистка, краса-

вица и завидная невеста с приданым.

– Ты что, следишь за мной? Или нет – ты следишь за моим отцом?

– За ним наверняка следят другие, а что касается тебя, то для них ты еще пока не представляешь интереса... – будто в никуда сказал Андрей, кивнув в сторону углового столика, возле которого как бы невзначай по стойке смирно стоял одетый в смокинг субъект спортивного телосложения с лицом, о которое, по всей вероятности, неоднократно разбивали кирпичи либо иные твердые предметы.

– Тогда откуда ты все это знаешь? – не унималась Татьяна.

– Что касается твоего имени, то его объявили, представляя гостей приема. Что же касается всего остального, то я сижу здесь неподвижно уже более трех часов, и на вашем месте успели побывать разные подвыпившие гости. А знаешь, о чем говорят пьяные люди?

– Нет.

– Вот. А пьяные люди обычно любят перемывать косточки другим пьяным людям либо просто окружающим. А учитывая, что ты на подобных мероприятиях гость редкий, угадай, о ком они еще могли говорить?

– А что они еще тебе успели рассказать? Вернее, что ты еще успел подслушать?

– Да, собственно, ничего особенного, так, тупой треп об-мажорен-ных юнцов, доросших до осознания значимости положения своих родителей, деньги которых создают им яв-

ные преимущества перед огромным количеством подобных человеческих существ.

– Тебя чего понесло? Или ты всегда такой официальный?

– Да нет, наверное, пытаюсь произвести на тебя впечатление, так как на эти проклятые спички я впечатления не произвел.

– А что ты делаешь со спичками?

– Недавно нашел старую книжечку со всякого рода загадками и фокусами, для лиц среднего школьного возраста...

– И?

– Второй день голову ломаю над простейшей загадкой... Уже два коробка спичек со злости изломал, а загадку так и не разгадал.

– Не надоело?

– Надоело.

– Так займись чем-нибудь полезным.

– Чем, например?

– Пойди потанцуй!..

– В моем одеянии я могу только вальс танцевать, и то не факт.

– Так танцуй вальс.

– Под хип-хоп? Или под «Металлику»?

– Так пойди в зал, где взрослые.

– Да я, собственно, и вальс-то танцевать не умею, – улыбнулся Андрей.

В разговоре возникла затянувшаяся пауза... Через мгновение оба заливались смехом, при этом Андрей не переставал смотреть на свои спички...

– А действительно, – вдруг заметила Татьяна, – чего это ты вырядился, как Элтон Джон на приеме у королевы?

– Это меня вырядили... Отец сказал, что я должен выглядеть солидно... Ну и вот...

– А зачем?

– Да я толком не знаю, да и неинтересны мне все эти протокольные вещи... Он говорит – я делаю. Вот в семье и порядок – никто ни с кем не ругается.

– Но тебе ведь не хочется это носить – по тебе видно, что это не твой стиль... Может, все-таки можно было найти другой, более компромиссный вариант?

– Не знаю... – задумчиво произнес Андрей. – Но ведь и ты пришла на эту вечеринку явно не по собственной инициативе...

– С чего ты взял?

– Ну смотри: три часа как идет вечеринка, а ты, во-первых, ничего не съела, а во-вторых, ни с кем, кроме твоего сопровождающего, не говорила. В этом зале только пять человек, кто не ест, не танцует и ни с кем не общается... Это ты, я, бармен-молчун да два гипсоголовых охломона-особиста, тусующихся возле обоих выходов из зала.

– Ты все-таки следишь за мной.

– Не-а.

– А я говорю: следишь. Иначе как объяснишь, что заметил только меня из такой толпы присутствующих? Или о них ты тоже можешь поведать с такой же наблюдательностью?

– Не о всех, но могу рассказать о многих, даже в подробностях...

– Интересно, и откуда же столь «энциклопедические» знания?

– Из желтой прессы, – улыбнулся Андрей.

– Фи... Молодой человек читает желтую прессу? А я уже успела посчитать тебя интеллектуалом.

– А по-твоему, интеллектуал должен обязательно держать в руке не желтую газетенку, а анализ финансовых рынков или книженцию «Как разбогатеть на форексе»?

– Оу! Ты знаешь слово «форекс»? Ты только что переместился на ступеньку выше в иерархии от человека очень глупого к человеку не сильно разумному. Bravo! Так держать, малыш!

– А еще я умею играть на барабане...

– Понятно... Спускайся обратно на уровень «очень глупый».

– На самом деле я не читаю желтую прессу... Просто все дело в известности присутствующих. Проходя мимо киосков с прессой, волей-неволей обращаешь внимание на кричащие заголовки: «Новая пассия Иезуита», «Олигарх Иванов купил самую дорогую яхту» (типа «знай наших», хоть к нашим Иванова отнести ну никак нельзя), «Пасынок Петро-

ва тайно встречается с женой Сидорова», «Васелина Тимова не любит целоваться с мужем» и так далее.

– М-м-м.

– Может, вернешь меня на ступеньку не совсем потерянных?

– Рано пока. Попробую задать еще пару вопросов. Ты там что-то о форексе говорил... Или тоже заголовок где-то увидел?

– Не только. Даже играл одно время.

– Почему играл? Насколько я знаю, на этом рынке зарабатывают, то есть работают.

– В казино тоже иногда зарабатывают, но я никогда не слышал, что там работают.

– Тоже мне сравнил... У нас целый предмет был о том, как зарабатывать на форексе... А вот о казино ни слова... Ты специально меня пытаешься запутать?

– Да нет... Ничего я не пытаюсь, я действительно так думаю. По-моему, форекс – это казино чистой воды.

– Объяснить можешь, только не выеживаясь и не умничая?

– Не умничая? Ну, попробую: в казино типа за лаве ставки, а по концовке шиш с маслом, а там – типа прогноз за лавешки, но в конце опять шиш с маслом... Вот.

– Очень доходчиво! – засмеялась Татьяна. – И все-таки?

– И там, и там нельзя системно зарабатывать, хотя все-таки возможен какой-то разовый выигрыш.

– Но нас в вузе учили, что данный рынок может быть просчитан, надо лишь знать тенденции его развития...

– Как ты думаешь: если бы вам в вузе рассказали, что форекс – это МММ для продвинутых? Сколько людей даже не попробовали бы этот лохотром?

– Слушай, хватит умничать, – будто бы обиделась Татьяна.

– Без базара... Всех лохов (потенциальных жертв афер) можно поделить на несколько категорий: на полных (отмороженных) дураков и умных (слегка примороженных) тугодумов.

– Хватит издеваться. Ты можешь просто нормально объяснить?

– В смысле, не умничая? – сказал Андрей, и они оба расхохотались.

Насмеявшись вдоволь и глотнув из стакана прозрачной жидкости, Андрей наконец-то оторвал взгляд от своих спижек и взглянул на Татьяну. Она действительно была достаточно милovidным созданием.

– Ладно, объясняю популярно: представь, что в казино пришел всего один человек и сделал ставку, и больше никого, а у казино деньги закончились, соответственно, выиграть этот один человек реальных денег, кроме, конечно же, своей ставки, не может, так как сумма денег казино равна его ставке, но зато проиграть у него есть шанс – это понятно. Теперь посмотрим на ситуацию, когда в казино пришло много

народа, и все сделали ставки. В этом случае шанс выиграть у отдельно взятого посетителя сильно возрастает – чем больше посетителей, делающих ставку, проигрывает, тем больше получает победитель этой игры – своеобразное перераспределение денег участников. С одной только оговоркой: казино никогда не проигрывает – чем большая сумма денег прошла через кассу казино, тем больше это уважаемое заведение заработало. Казино в данном случае выступает эдаким посредником между потерпевшими фантазерами-идеалистами, верящими в то, что в казино можно разбогатеть, проходимцами-недоучками, уверовавшими в свою математическую гениальность после придумывания определенной закономерности выпадения той или иной цифры, при этом дающими советы всем и никогда не выигрывающими, и полными идиотами, кои срывают банк по извечному определению: «дуракам всегда везет». В общем, во всей этой присказке ничего интересного нет, кроме казино, ибо с точки зрения бизнеса только казино всегда зарабатывает, а посему пословица «хочешь выиграть в казино – купи казино» имеет более чем буквальный смысл.

– Очень поучительно: эти прописные истины известны всем. Так где же изюм?

– А изюм в том, что люди, зная все это, все же продолжают играть.

– Хорошо, а что ты можешь сказать о форексе?

– Ну, тут все еще проще...

– Что значит проще? Насколько я знаю, для того, чтобы делать прогнозы на фореке, необходим анализ большого количества показателей... и еще, и еще, и еще...

– В общем-то, это только часть правды. Ты можешь прочитать тысячи методик о стратегии работы на рынке форека и все они будут очень аргументировано объяснены, но на самом деле форека ничем не отличается от казино: вместо казино здесь торговые площадки (форека-клубы), и каков бы ни был результат (проигрываешь ты или выигрываешь), всегда зарабатывает торговая площадка, и еще: просчитать на этом рынке можно все, кроме игры больших спекулянтов, таких как Торж Морос и ему подобных. По большому счету – это игра в карты, где один из игроков играет крапленой колодой (когда все будут играть на повышение, Морос и ему подобные воротилы обвалят рынок, и тем самым заработают на всех). При этом сговор финансовых воротил в игре на фореке нельзя квалифицировать как монопольный сговор, так как это почти невозможно доказать. Таким образом, работать на этом рынке по писанным правилам можно лишь в перерывах между аферами больших воротил. Вот.

– Интересный нюанс... Никогда об этом не задумывалась, – пожалала плечами Татьяна.

– Да я тоже в общем-то не задумывался, просто нашел интересную статью одного аналитика в Интернете – вот, собственно, и вся премудрость. Я вообще думаю, что весь финансовый рынок со всем его многообразием – одна большая

афера, и старик Маркс тому немое подтверждение.

– Ты читал идеолога коммунизма? – смеясь, спросила Татьяна.

– Пробовал читать «Капитал», но пока не осилил, так как многое не понимаю. Одно могу сказать наверняка: не знаю, какой он идеолог коммунизма, но то, что он великий экономист – это точно.

– Ты меня пугаешь. Слушай, ну нас и понесло. А с чего мы, собственно, начали?

– Ты предложила мне пойти потанцевать.

– А ты?

– А я сказал, что мужики не танцуют...

Андрей не успел произнести до конца начатую фразу, как оба залились звонким смехом.

Кирилл, слышавший весь диалог, тоже смеялся.

– Ну, мое имя тебе уже известно, – немного успокоившись, сказала Татьяна. – А это мой друг Кирилл. А тебя как зовут, великий мыслитель?

– Меня зовут Андрей, – сказал он и протянул руку Кириллу. Тем временем напитки в стаканах наших героев заканчивались, и бармен, в очередной раз подойдя к этой части барной стойки, вопросительно посмотрел на троицу. Каждый заказал что хотел: Кирилл взял пиво, Татьяна – свежесжатый грейпфрутовый сок, а Андрей – воду со льдом и с лимоном.

– Ты не пьешь алкоголь или папочка не велит? – бросил

Кирилл.

– И не пью, и папа не велит, – улыбнулся Андрей.

– Почему папа не велит – понятно, а почему не пьешь? – не отступал Кирилл.

– Не нравится на вкус, и состояние от него какое-то неадекватное – в общем, мой скудный опыт употребления подсказал мне не связываться с этим пороком.

– А другие пороки тебя тоже не интересуют? – не унимался Кирилл.

– Какие именно?

– Ну, с азартными играми ты вроде все изложил, а курение, секс?

– Курение тоже пробовал, и тоже не понравилось. Даже дурь курил после выпивки... Не знаю, как выжил – сильно плохо было. А о сексе говорить не буду.

– Не будешь, потому что не пробовал, или потому что обломали? – ерничал Кирилл.

– Да нет, не буду и все, – сказал Андрей, возвращаясь к своим спичкам.

– Ладно, не обижайся, – сказал Кирилл и выставил руку ладонью вперед.

Андрей хлопнул по ней, улыбнувшись. Инцидент был замят.

– А кто твои родители? Я тебя на тусовках никогда раньше не видела, – спросила Татьяна.

– А я, собственно, и не люблю тусовки, да и появились мы

в вашей стране не так давно. Мой отец был назначен сотрудником данного посольства совсем недавно, около года назад, а я заканчивал второй курс института и переводился сюда, пересдавая всевозможные предметы и зачеты. Только месяц как здесь появился.

– А мама? – спросила Татьяна.

– Родители уже давно в разводе. Я знаю, что у нее новая семья, а еще дочка и сын – стало быть, мои брат и сестра, вот только я их никогда не видел. История же развода моих родителей вообще покрыта тайной за семью печатями.

– Что-то мне это напоминает, – улыбнулся Кирилл.

– Да... – согласилась Татьяна.

– Теперь моя очередь, я так понял, – сказал Кирилл. – Итак, я сын очень высокопоставленных родителей, вернее – очень высокопоставленного родителя. Мой отец – особа, близкая к президенту, и этим, наверное, все сказано. Мама – человек-фонд, занята в основном собой, и не в основном – тоже собой, а еще это особа, которая пытается потратить состояние отца, нажитое им на царевой службе. Вот только это ей ну никак не удастся: либо тратить не умеет, хотя вряд ли, либо денег много, что вполне возможно.

– Ладно, познакомились. Будем считать, что с протокольными формальностями покончено.

В этот момент кто-то позвал Кирилла, и парочка осталась наедине, если не считать человек тридцать молодежи, двух особистов, бармена и прислуги.

– А все-таки, кто твой отец? – не удержалась от продолжения разговора Татьяна.

– Ну, он... Мужчина... И, как говорил Карлсон, в полном расцвете сил, – с умным видом ответил Андрей.

– Я не это имела в виду. И ты прекрасно меня понял. И перестань заниматься своими дурацкими спичками, когда общаешься с девушкой.

– Обычные спички, и ничего они не дурацкие. Мой отец занимает какую-то не очень значительную должность в посольстве, как точно она называется – не знаю, да и не интересно мне. А что касается общения с девушкой, то заметь – это не я с ней, а она со мной общается, и я никак не могу сосредоточиться на разгадывании головоломки.

– Ах так... Ну вот сиди и занимайся своими идиотскими спичками.

– Теперь они уже идиотские... Дурацкие мне больше нравились. Хотя называй их как хочешь... Мне все равно.

– Ты серьезно говоришь или шутишь? Тебе все равно, что я сейчас буду делать?

– Да, – утвердительно и в тоже время удивленно сказал Андрей.

– А мне показалось, что ты интересный собеседник.

– Наверное, действительно показалось.

– Для чего ты пытаешься со мной поссориться?

– Я не знаю, как тебе это объяснить, только я не пытаюсь ни с кем поссориться. Я собираюсь закончить разгадывание

начатого ребуса и все.

– Как же не пытаешься, если заявляешь, что тебе моя компания не нравится, что тебе вообще все равно, есть я рядом или нет, и что тебя твои спички интересуют больше, нежели общение со мной. Знаешь, еще никто и никогда так себя не вел в моем присутствии. Ты очень грубый и невоспитанный тип, – не могла успокоиться Татьяна.

– Слушай, похоже, тебе вовсе не нужен собеседник. Ты не пробовала выяснять отношения сама с собой?

– Ну ты и хам, – фыркнула Татьяна, разметала спички Андрея и повернулась на барном стуле спиной к нему.

Андрей собрал оставшиеся на стойке спички, попросил еще несколько штук у бармена и вышел из зала.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Что скажете? Ничего не напоминает? Да, да, да: именно такие неконтролируемые срывы по банальным причинам обычно и являются проявлением внезапно зародившихся сильных чувств. Вы только представьте, что сейчас творилось в голове Татьяны: гнев, злость, негодование, непонимание происходящего, а еще непонятный интерес, возникший к этому так непохожему на остальных парню. Потерпите немного, интрига только зарождается. Честное слово – самому интересно.»

Татьяна посидела отвернувшись еще несколько минут, вероятно, обдумывая очередной монолог, и, наконец-то собравшись, резко повернулась на сто восемьдесят градусов...

Стул рядом был пуст. Наверное, она настолько была увлечена своими мыслями, что не заметила, когда Андрей ушел. Татьяна растерялась и стала шарить глазами по залу в поисках этого зарвавшегося выскочки – именно такое определение в этот момент пришло ей в голову. В реальность ее вернул Кирилл.

– Сударыня что-то потеряла? Или ищет удачную партию для замужества?

Увидев рядом Кирилла, Татьяна немного успокоилась:

– Партия, наверное, это хорошо, а вот замужество пока рановато.

– Смотри, а то всех богатых женихов разберут, и останешься один на один с папочкой.

– А пущай разбирают – эта публика женится ненадолго, и ко всему любит повторять эту партию неоднократно, так что на мой век женихов хватит... Вот только мне хочется встретить кого-то необычного, неадекватного, если хочешь.

– Все неадекватные, скорее всего, в психушках. Кстати, могу договориться с папиком дабы организовал поход в оное заведение, а если постараться, то можно за отдельную плату там и остаться.

– Смешно... – констатировала Татьяна. – Только имей в виду, что если с женихами облом выйдет, ты – запасной вариант, по крайней мере, меня от тебя не тошнит.

– Ничего, будешь в интересном положении – тебя от себя тошнить будет, – засмеялся Кирилл.

– А ты откуда знаешь, знаток женской физиологии?

– Читаю, знаете ли, женские журналы, готовлюсь стать запасным вариантом. Даже смотрел в Интернете, как женщина рожала.

– Ну, и как?

– М-м-м... Знаешь, я лучше буду каждый день бриться. Оба рассмеялись.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «В возрасте наших героев, дорогой читатель, все вы были остроумными, немного бесшабашными, красноречивыми в диалогах с особами противоположного пола, казались умными и рассудительными. Это сейчас ваше красноречие проявляется либо во время ссор, либо когда врете. А еще вы готовы были часами слушать объект ваших вожделений даже в том случае, когда этот объект нес полную чушь (кстати, эта тема разговора была самым распространенным предметом обсуждения). Вот она – молодость... Вот они – гормоны...»

– А где этот гений в смокинге со спичками? – вдруг вспомнил Кирилл.

– Не знаю, вроде сидел рядом. Я отвернулась ненадолго – он и испарился. Наверное, он человек-невидимка.

– Почему невидимка, мы же его видели, значит, он реальный, значит, он Видимка. Да, точно, он видимка со спичками в смокинге...

– И с парашютом, – добавила Татьяна серьезно.

– Почему с парашютом? – удивился Кирилл.

– В такой компании, в такой одежде и с такими взглядами ему до полной картинки не хватает парашюта.

– Точно... Точно... Я даже видел такой фильм: там главный герой ходил в костюме, а под костюмом – другой синий костюм с красной молнией... И он еще так – в-ж-ж-ж, в-ж-ж – летал...

– Бетмен?

– Точно. Бетмен. Как же я сразу его не узнал?

Оба расставили руки в стороны и зажужжали, изображая полет... Эта пантомима закончилась веселым смехом. Немного успокоившись, Кирилл спросил:

– Так кто у него отец?

– Какой-то чинуша этого посольства. А он, выходит, сын этого чинуши.

– Да тут, в общем-то, все дети каких-то чинуш.

– Да, а еще жены.

– А еще любовницы.

– А я? Тоже дочь чинуши?

– Сто процентов.

– А ты?

– А я – отпрыск голубых кровей, сын чинуши над чинушами, и посему вам, детям нижестоящих чинуш, следует гордиться знакомством со мной и почитать как особу, стоящую на ступеньку выше в социальной иерархии. Следовательно, любой мой каприз как особы, приближенной к императору, должен исполняться мгновенно и безоговорочно. Более то-

го, угодить мне – значит угодить Самому. Вот скажи мне, дочь чинуши, стоящая на низшей социальной ступени: «Чего изволит мое высокостояще чиновничье величие?» Отвечай немедленно, так как ждать не хочу.

– Как насчет пивной кружкой да по монаршему портрету?

– Фи, плебейка. Уберите свои крестьянские замашки. Как можно столь интеллектуальную особу да по мордам? Ну-ка немедленно на колени, презренная.

– Сейчас, только пеплом голову посыплю. Кстати, а у столь высокопоставленной особы не найдется немного пепла для плебейки? Уж очень хочется утешиться в своей скорби по социальному статусу.

Кирилл взял с соседнего столика пепельницу и поставил перед Татьяной:

– Тут еще есть, что докурить...

И снова смех.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Скажите, а способны ли вы вот так беззаботно и бестолково проводить свободное время? Хотя, думаю, вопрос содержит в себе ответ – вы не имеете свободного времени, у вас его просто нет. Или не так, у вас нет свободного времени даже тогда, когда оно на самом деле есть. Уверен, что вы предпочтете общению разглядывание бестолковых журналов или чтение придуманных новостей в Интернете. Да, чуть не забыл, еще есть целая куча причин, находясь в одной комнате, отсутствовать по существу, как то: болтать с умным видом по телефону, решая проблемы

глобального масштаба (типа вводить войска в Ирак или нет), перекладывать с места на место ничего не значащие вещи или с увлечением читать о ценности человеческого общения... Правда, очень знакомая ситуация?»

Оставим ненадолго молодежь, веселящуюся на званом ужине, и поднимемся на второй этаж посольства. Андрей, расставшись с Татьяной, уселся в кресло на балконе второго этажа, разложив спички на журнальном столике. Балкон выходил во внутренний двор посольства (эдакий итальянский дворик). В центре внутреннего двора находился небольшой фонтан, вокруг были устроены мощеные дорожки со скамейками, росло несколько вечнозеленых деревьев, названий которых Андрей так и не смог запомнить, а также возвышалось несколько фонарей, сделанных под старину, тусклый свет которых создавал романтическую, если не сказать интимную, атмосферу. Андрею нравилось это место. Здесь было по-настоящему уютно. И именно здесь в посольстве можно было ощутить полное уединение, если не считать многочисленных камер слежения и микрофонов, установленных в самых невероятных местах, благодаря которым изображающие простых чиновников рыцари плаща и кинжала воплощали в жизнь иезуитские замыслы своего руководства.

Андрей, несколько раз переложив спички с места на место, наконец разгадал загадку. «Вот это номер, – подумал наш герой. – Убить три дня на выдумывание целой теории

вероятности, а решение лежало на поверхности».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «И снова добрый вечер! Надеюсь, я еще не надоел со своими нравоучениями и замечаниями. Хотя, если это и так, вам все равно придется слушать мой треп либо выбросить книгу в камин. При этом если первое вас ни к чему не обязывает (читаете себе, да и только), то сжечь книгу – значит не узнать, чем закончится так банально начавшаяся история, и таким образом расписаться в собственной глупости (другим типа нравится, а я что же – дурак? И к тому же за эту писанину было немало уплачено). Парадокс в том, что нас останавливает именно это последнее, ибо всю свою жизнь мы продолжаем доказывать сами себе свою состоятельность... Мы до ужаса боимся осознания своей неисклочительности и тривиальности, нам страшно ощущать себя неудачниками и признавать превосходство других, нам важно мнение окружающих, но безразличны суждения близких – мы неисправимые эгоисты и себялюбцы. Мы – ходячие пороки и комплексы неполноценности. Мы хотим иметь все, и при этом не делаем для этого ничего, мы мечтаем о суровых путешествиях, но ленимся даже выбраться в выходной день на природу (в лучшем случае, кинотеатр или ресторан), мы хотим иметь атлетическую фигуру, но при этом не против побаловаться пончиками и пиццей, не говоря уже об «отмазках», придумываемых для пропуска очередного занятия в спортзале, и в конце концов мы хотим, чтобы нас любили такими, какие

мы есть, но при этом не способны смириться с безобидными привычками своих спутников. Иными словами, мы не способны любить – и этим все сказано.»

Еще раз смешав все спички и вновь повторив процедуру отгадывания загадки, Андрей улыбнулся и растянулся в кресле, забросив голову назад. Его поразило звездное небо, редкие облака, медленно проплывающие над столицей, и полная огромная луна, повисшая совсем близко.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Как редко мы смотрим в небо, как прожигаем свою жизнь в погоне за призрачными благами мира, не замечая воистину неземных даров, ниспосланных нам свыше абсолютно бесплатно, как часто карабкаемся по отвесным скалам условностей к своему счастью вместо того, чтобы просто быть счастливыми, как в детстве, радуясь, казалось бы, бестолковым вещам: найдя на море камешек с дырочкой и повесив его на шею, кусочек цветного бутылочного стекла, отполированного морем, сквозь которое так здорово смотреть на окружающих и хранить его как фамильную драгоценность в коробочке из под спичек... Ну же, не ленитесь, вспоминайте поездки с родителями на море, в провинцию к бабушкам и дедушкам или летние лагеря с ночевкой в палатках, которых ждали целый год. Ведь все это делало нас воистину счастливыми. Внимание, вопрос: почему мы перестали ходить в походы и искать приключения? Мы стали старыми? Не настолько. Мудрыми? Ну, это вряд ли. Тогда что с нами произошло? Ладно,

объявляется небольшой перерыв. Пойду выпью чаю. Вам, читатель, советую сделать то же, хотя каждый вправе поступать, как ему вздумается. А я все равно пойду и выпью чаю... Итак, с чаем покончено, и мы можем продолжать.»

Тихое созерцание мироздания Андреем прервали доносившиеся из-под балкона голоса. Двое неизвестных тихо обсуждали какие-то проблемы, и Андрей, будучи увлечен разглядыванием лунных кратеров, не сразу вник в смысл разговора.

– Послушай, Татя, твое пролетарское происхождение уже никого не впечатляет, ибо послужной список первой леди страны до ее попадания в эту самую страну уже не вставляет даже обкуренных тинэйджеров южных штатов.

– Зато одно мое ночное нашептывание в сочетании с психотропами, подмешанными в чай, приносит больше пользы, чем работа всего восточного отдела. А пока – я первая леди, мой суженый умножит на ноль любого, кто только подумает обо мне плохо. А ты, как мне кажется, уже думаешь обо мне плохо – это преступление.

– Уже боюсь. Это хорошо, что твой бесхребетный филантроп за короткое время умудрился развалить все хорошее, что досталось в наследие спецслужбам от некогда огромного государства, а то бы застукали нас вдвоем, быстренько записали наши интимные разговоры, после допросов с пристрастием мы бы во всем признались, а потом в газетах написали

бы, что один скоропостижно, а второй – от передозировки, но тоже скоропостижно.

– Типун тебе на язык... А моего рановато хвалишь... Много еще не сделано, а выборы не за горами. А оно еще начало ездить по стране с культурной программой, да без меня. Приходится часами просиживать у телефона, внушая этому плебею, куда дальше вести стадо.

– А когда ты рядом, разве что-то другое делаешь?

– Конечно, да. Всего одна таблетка правильного психотропа в чай – и клиента штырит на нашептанной теме. Потом еще и тормозить приходится, а то ведь увлекается. В общем, респект и уважуха психологам – все-таки правильную ставку на него сделали. Я не знаю в его окружении более ни одного настолько убеждаемого кандидата.

– Да-с, честно говоря, твой придурок по неадекватности переплюнул даже нашего идиота.

Оба тихо засмеялись.

– Ничего не меняется в мире со времен великого Египта.

– Что ты имеешь в виду?

– Вспомни самую первую лекцию...

– Да-да, помню... «Египтом управляли жрецы, а не фараоны».

– Точно, только в нашем случае Египтом управляю я.

– Ну-ну. Ладно, давай вернемся на землю. Свои награды ты еще успеешь получить после возвращения... Теперь к делу. Отношения между этими двумя странами ни в коем

случае не должны наладиться... По крайней мере, в выборы страна должна войти на пороге конфликта со старшим братом.

– А дальше?

– А дальше – не наше дело... Конфликт или разожгут, или потушат – это как карта ляжет.

– Думаю, все будет хорошо. Наш политтехнолог Семен Капельман внушил ему идею поднятия рейтинга путем конфликта с сильным соседом. Ну и он рад стараться. Награждает врагов соседей, проводит военные учения с врагами соседа, финансирует проведение исторического исследования на тему притеснений большим братом и так далее. Лучше и не придумаешь.

– Ты все равно не расслабляйся, до выборов недалеко, а для сюрпризов всегда есть время и место. Не пускай ситуацию на самотек, дабы не вышло, как в этих двух восточных образованиях: чуть проморгали, и другие влезли, и, как результат, признанная независимость.

– Да, слышана.

– А ты знаешь, что после поражения вся команда отдела была разжалована и с треском выгнана со служебным несоответствием? Ребята уже почти год на подсесе.

– Надеюсь, мне это не грозит. Мой хоть и марионетка, но деньги любит. Так что у нас на черный день припасено.

– Сколько? – с улыбкой в интонации спросил собеседник.

– Какой внешний долг страны – знаешь?

– Ну это не секрет...

– Так вот, возьми где-то треть и не ошибешься.

– Да... Нам так не жить... Боюсь, на пенсии путешествие вокруг света на собственной яхте мне не светит. В лучшем случае смогу оплатить какой-нибудь круиз на круизном лайнере, и то не бизнес-классом.

– Хватит прибедняться. Деньги на проведение программ нашего ведомства все через тебя заходили. Небось, к рукам-то хоть немного да прилипло.

– Не твое дело. Все отчеты у меня в порядке.

– Ладно, расслабься, – оборвала его собеседница. – Это действительно не мое дело. Украл – молодец. Нет – дурак. Но если все-таки украл, то чего плачешься по поводу бизнес-класса? А если нет, то рюкзак на плечи и в тайгу комаров кормить.

– Я вижу, ты тоже ко мне хорошо относишься...

– Я здесь пять лет наблюдаю, как двуногие и двурукие питекантропы разворовывают, растаскивают, разбазаривают. Дедушка Даллес (а может, и не он) был прав, ставя задачи по развалу Империи. Звучало это примерно так: не пытайтесь их завоевать – это бесполезно, ибо многие пробовали, но никто не сумел. Все намного проще: помогите проходимцам прийти к власти, и они все сделают за вас. Собственно, это и было воплощено в жизнь. Но если бы ты знал, до чего они опускаются в своем животном желании наживы! Им все равно, чем торговать: детьми, женщинами, наркотиками,

ядерными отходами... Главное, чтобы платили. Скажи мне, ты видел лица этой элиты?

– Это моя работа, – засмеялся собеседник.

– А моя работа – влиять на этого придурка, и все. Но мне целыми днями приходится общаться с этой пресловутой элитой, внимательно выслушивать их бредни, делать многозначительное лицо, читать их бездарные книги и статьи, общаться с их примороженными женами. Я уже не говорю о том, что мне пришлось рожать детей для великого мыслителя. Поверь, это не входило в мои планы – не люблю детей. Я люблю секс и работу, ибо и то, и другое – постоянный источник адреналина. А у меня в организме наблюдается его нехватка. Кстати, о сексе. Раньше ты был более решительным, особенно на военных сборах – умудрялся пристраиваться ко мне в самых невероятных местах... Мне это нравилось, что же с тобой произошло?

– Со мной ничего. А вот с тобой... Раньше тебя только готовили, и ты была таким же рядовым сотрудником, как и я, а теперь ты – жена президента отдельно взятой страны и этим все сказано.

– Я бы на твоём месте не отказывала барышне в доставлении удовольствия, ибо, во-первых, барышня и сама может доставить удовольствие кому угодно (хорошо училась), а во-вторых, не забывай, с кем имеешь дело. Моего через пару лет после выборов отправят на «покой», его сбережения вернутся на счета нашей альма-матер, а мои счета останутся при

мне. И еще, круиз VIP-классом я тоже в состоянии обеспечить, – засмеялась собеседница и немного погодя продолжила. – Да я, собственно, могу купить любой круизный лайнер. Еще немного и я невеста с ой каким немаленьким приданым.

Оба тихо засмеялись. Но уже через мгновение собеседник продолжил серьезным тоном:

– Пора расходиться, пока не обнаружили нашу пропажу. Еще раз повторюсь: необходимо не дать наладиться отношениям между этими соседними странами. Видишь, что не справляешься – сразу сигнализируй. Появились несогласные – шепчи на ухо своему, и этих – в отставку или под правоохранительный прессинг. Не поймут – значит, дальше не твоя головная боль. Твоя задача – вовремя сообщать об изменении настроений.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вы когда-нибудь задумывались, кто вершит наши судьбы да управляет странами и континентами? Поверьте, это не те полоумные, бесшабашные, алчные, похотливые президенты, коих мы созерцаем каждый день на голубых экранах и о которых читаем в желтой прессе. Это тщательно отобранные спецслужбами представители политикума. Самый главный критерий отбора – зависимость и управляемость. Чем больше характер кандидата похож на овощ, тем более он подходит на роль рулевого. А если на него еще и собран компромат, то это вообще идеальная кандидатура. Такому всегда доверят штурвал, с одной, правда,

оговоркой: рулить надо строго по командам лоцмана, и точка. Итак, кого же мы видим на голубых экранах? Снимающих и назначающих чиновников рангом пониже, награждающих и наказывающих заслуживших и провинившихся, ссорящихся с соседями и берущих на себя ответственность за сложившуюся ситуацию? Правда, смешно звучит: «Я беру на себя ответственность за сложившуюся ситуацию в стране». О какой ответственности говорят эти суесловы? Как и чем они могут отвечать? Это бесхребетные марионетки, не способные на сильные поступки, это жадные, циничные и бессердечные чинуши, принявшие правила игры спецслужб, делающих их всемогущими (прямо как в Библии: продал душу дьяволу – получил все блага земли). Но спецслужбы на то и спецслужбы, дабы никому не доверять, вот они и окружают своих протеже тщательной опекой, пытаясь контролировать каждый их шаг. Идеальный вариант контроля – это жены и мужья. Ближе нет никого. Вот и живут наши первые лица государства под бдительным контролем своих половинок, которые всегда ненавязчиво подскажут, что делать и куда идти, а если первое лицо вдруг захочет сыграть свою игру – навзрыд поплачут над телом скоропостижно скончавшегося ночью супруга (супруги).»

Андрей понял, что подслушанный разговор может иметь серьезный резонанс, если информацию о нем предать гласности. Он даже представил, как бы выглядели заголовки пе-

риодики: «Тайная связь жены президента». Или так: «Жена президента – агент иностранной разведки». Однако, немного подумав, Андрей решил не торопить события, а поговорить о проблеме с отцом. Поднявшись и пройдя через пару комнат, наш герой оказался на большом внутреннем балконе, с которого открывался чудесный вид на зал первого этажа, где развлекалась взрослая публика. Большая, слегка закругленная лестница соединяла внутренний балкон с первым этажом. Освещение и декорации основного зала были так устроены, что Андрей, сев на ступеньку возле балконных поручней, мог разглядывать присутствующих, не обращая на себя внимание. Публика была настолько увлечена поеданием, выпиванием, наговариванием, сплетничанием и хохотанием, что никому по большому счету не было дела до того, кто и как за ними наблюдает. Тем более, все приглашенные привыкли жить под прицелами видеокамер и журналистов. Удобно устроившись в своем наблюдательном пункте, Андрей начал разглядывать приглашенных и хозяев приема.

В углу зала, на импровизированной сцене, играют музыканты, кое-кто танцует, но основное сосредоточение публики наблюдается в непосредственной близости от столов со снедью. Официанты непрерывно снуют между гостями, поднося и унося рюмки, стаканы, и бокалы. Вот посол кокетничает с женой местного олигарха, а вот сам местный олигарх будто невзначай щупает жену какого-то военного (и, видимо, ей это нравится), в углу стоят несколько светских львиц

и о чем то судачат, хотя правильной было бы сказать – о ком-то, ибо их взгляды, направленные на объект обсуждения, красноречиво свидетельствовали о теме разговора: конечно же они обсуждали очередную пассию Иезуита. А обсуждать, поверьте, было что: красивая, длинноногая и пышногрудая блондинка – одним словом, девушка с обложки модного журнала. Вокруг нескольких столиков восседали животастые чинуши, налегавшие на дармовые сигары и коньяк. А вот и жена президента: пышная, крашенная, безвкусно одетая, разкоординированная, в общем, никакая. Андрею стало интересно, с кем она только что разговаривала, и он начал сканировать зал глазами на предмет обнаружения ее собеседника. Минут двадцать наблюдений не принесли результата, и Андрей оставил эту идею. И вдруг он заметил Татьяну, которая подошла к Иезуиту и о чем-то с ним говорила. Кирилл был рядом. Иезуит, всем своим видом изображая радушие, болтал и шутил с молодежью. Закончив с папашей, Татьяна с Кириллом подошли к заветным столам со вкусностями и, выказав официантам свои предпочтения, приняли из рук их профессионально поданные деликатесы. Усевшись невдалеке за столик, парочка, болтая, принялась отведывать изыски. В очередной раз поднося вилку ко рту, Татьяна заметила Андрея, внимательно наблюдавшего за ней. Она показала ему язык и продолжила процесс поедания. Кирилл заметил этот жест Татьяны, но не понял, кому он был адресован, так как сидел спиной к Андрею:

– Кому это ты язык показываешь?

– Да этому Бэтмену со спичками...

– Слушай, или он действительно Бэтмен и, значит, летает, или тебя, похоже, конкретно тыркнуло, ты же смотришь куда-то под потолок...

– Я смотрела на балкон второго этажа, на ступеньках которого восседает этот философ.

Кирилл обернулся: второй этаж действительно был, но Андрея там не было, ибо он покинул свой наблюдательный пост, как только понял, что его рассекретили, а Татьяна, будучи увлечена объяснением с Кириллом, не заметила его исчезновения. В этот вечер наши герои больше не встретились.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Ночь. Удивительное время суток. Это время великих открытий (я имею в виду Менделеева) и величайших преступлений (Варфоломеевская ночь, конечно же). Это время высоких чувств и обыденного секса (ночные свидания и исполнение супружеского долга). Это время рождения и угасания чьих-то жизней. В эту ночь каждый из героев нашего рассказа видел свой сон. Кирилл карабкался на какую-то гору в Чили. Татьяна по обыкновению бродила за руку с парнем своей мечты в сказочном саду. Андрею снились спички, различные комбинации переключивания их с места на место и лица новых знакомых – Кирилла и Татьяны. Сон жены президента был больше похож на порноролик, посему я не буду

его пересказывать. Иезуиту снилась работа. Будучи интриганом, он продолжал строить козни даже во сне.»

Сон третий

Следующая встреча наших героев произошла примерно через неделю. Татьяна занималась танцами в одном из недавно появившихся клубов, где за весьма немалые отчисления с посетителями занимались профессиональные «аниматоры»... Я не оговорился, назвав вчерашних спортсменов аниматорами, ибо основной их задачей было организовать досуг богатых посетителей. В клубе было все, что требовалось для спорта, отдыха и оздоровления растративших здоровье на ниве борьбы за денежные знаки толстосумов, их жен и отпрысков: бассейны, сауны, всевозможные секции и залы, косметические салоны и центры красоты, спорт-бары и рестораны. Среди перечисленной публики в клубе была заметна целая группа одиноких охотниц за безбедным существованием. Прогибая спины и выпячивая бюсты, представительницы названной социальной группы эротично покачивали бедрами на беговых дорожках и, вздыхая, крутили педали велотренажеров, сканируя зал похотливыми взглядами. Одного взгляда со стороны было достаточно, дабы понять, кто есть кто на этом празднике здоровья. Татьяна, закончив свои занятия, спустилась на ресепшн, чтобы вернуть ключ от шкафчика для переодевания и забрать свою клубную карточку. Она сразу не узнала Андрея, который как раз расплачивался.

– А-а-а, невежливое лицо иностранного происхождения...

– Я тоже рад тебя видеть, – улыбнулся Андрей.

– Решил прошвырнуться по столичным клубам? Илиправляешь подорванное здоровье? А может, ты маньяк, и охотишься здесь за беззащитными молодыми особами?

– По-моему, граф Дракула – наивный ребенок в сравнении с молодыми особами, охотящимися в этих прериях.

Татьяна улыбнулась и после непродолжительной паузы предложила:

– Ладно, философ, пошли в бар... Угостишь меня фрешем и считай, что я тебя простила.

– А я разве просил прощения? – удивился Андрей, но Татьяна уже тянула его за руку в бар.

Парочка уселась за столик. Официант возник сразу и из ниоткуда.

– Грейпфрутовый фреш, ладью с суши и воду со льдом и с лимоном, – хихикнула Татьяна.

– А сколько все это стоит? – поинтересовался Андрей.

– Ну, ты и скряга.

– Я не скряга, даже напротив, просто боюсь, что у меня не хватит денег.

– Хорошенький кавалер!.. Пригласил девушку, а денег не взял. Несите заказ, – сказала Татьяна, обратившись к официанту. Затем повернулась к Андрею и продолжила: – Не бери в голову, я заплачу, тем более, что это мой заказ, хотя ладьи

с суши хватит на двоих.

Андрей сидел молча.

– Почему притих? Ты смутился по поводу денег?

– Немного. Я не думал, что здесь все так дорого. Иначе не пришел бы. Хотя, с другой стороны, я теперь точно знаю, что это не моя песочница.

– Почему?

– Много причин.

– Какие?

– Ну, во-первых, мне не нравится здешняя публика. Все какое-то придуманное. А во-вторых, моих карманных денег, получаемых от отца, хватило на одну тренировку, и вряд ли хватит угостить тебя.

– Это столько тебе дают на день?

– Да нет, на месяц.

– Ты серьезно?

– Да, мой отец занимает какую-то посредственную должность в посольстве. У нас никогда не было много денег. Денежные должности ему не предлагали – наверное, сильно честный, зато работой всегда грузили. Знаешь, нам ведь всегда и всего хватало. Просто здесь, в столице, кажется, люди сошли с ума – месячный абонемент в этот клуб стоит столько, сколько получает инженер на заводе.

– А я никогда не интересовалась, сколько зарабатывает мой отец – у нас всегда было достаточно денег. Если честно, то мне трудно оценить, дорого стоит что-то или нет, так как

работать мне пока не довелось и зарплату я никогда не получала, у меня есть вот эта кредитная карточка, и на ней еще никогда не заканчивались деньги. Ладно, хватит о деньгах, давай сменим тему. А чем ты занимаешься, в смысле, – каким видом спорта?

– Я занимаюсь боксом. Правда, особых успехов добиться на этом поприще не удалось. Да и занимался в связи с переездами нерегулярно. Но все равно люблю его – там все по-настоящему.

– Что значит по-настоящему?

– Просто все по-настоящему, не понарошку. Ты можешь нокаутировать, и с тобой могут поступить так же. В боксе нельзя сачковать, зазевался – получи плюху. Даже если ты боксируешь с новичком – бойся его, ибо он надел перчатки и вышел на ринг не для того, чтобы ты его избил, а совсем наоборот.

– Как по мне, это вообще не спорт, а бестолковая драка двух отмороженных мужиков, дубасящих друг друга по голове с желанием проломить эту самую голову.

– Я тоже так думал, пока не попробовал. На самом деле, это спорт на всю жизнь. Всегда находишь что-то новое. Если хочешь, то это своего рода шахматы. Представь двух одинаково подготовленных спортсменов: выиграет тот, кто перехитрит другого, выберет правильную тактику, рассчитает силы.

– А потом бах противника по башке шахматной доской! –

засмеялась Татьяна.

Оба захохотали.

– Ладно, думай, что хочешь. И еще, люди, занимающиеся боксом, в основной своей массе не агрессивные – это, кстати, доказанный наукой факт.

– Точно, добряки, – засмеялась Татьяна.

– Не издевайся, я серьезно.

– Ладно, не буду, – смеясь, ответила Татьяна. – В клубе понравился зал бокса?

– Зал шикарный, оборудование тоже, и тренер классный. Бывший профессиональный боксер. Он, как выяснилось, тренирует в какой-то школе. Пригласил ходить к нему. Говорит, что условия там похуже, но зато почти ничего не стоит, и ребята приходят действительно тренироваться, а не как сюда – поразвлечься.

– Будешь заниматься у этого тренера?

– Да, вероятно. А ты здесь танцуешь?

– Да, и мне здесь очень нравится. В этот момент принесли суши.

– Наконец-то! – воскликнула Татьяна. – Я сейчас умру от голода. Ты любишь суши?

– Есть – да, а так – нет, – пошутил Андрей словами из бородатого анекдота.

Парочка замолчала на какое-то время, поглощая разнообразные ролы. Закончив уничтожение морепродуктов, Татьяна спросила:

– Что делаешь вечером?

– Еще не знаю.

– А завтра?

– Тоже не знаю.

– А что ты знаешь?

– Знаю, что сегодня четверг.

– Ну, это серьезное наблюдение. Ты гений, – поддела Андрея Татьяна. – А может, ты еще и будущее можешь предсказывать?

– Могу, – давась от смеха и делая серьезный вид, сказал Андрей.

– И что будет с нами в будущем?

– Мы умрем.

Образовалась неловкая пауза. В его словах было что-то фатально пророчащее, неизвестное и страшное.

– А ты оптимист, как я погляжу, – прервала затянувшуюся паузу Татьяна.

– Наверное... Но разве я не угадал?

– Угадал, угадал, – сказала Татьяна. – И все-таки, что делаешь завтра вечером?

– Планов нет никаких, но могу их изменить.

– Слушай, тебе не кажется: это не совсем правильно, что не ты, а я пытаюсь вытащить тебя на свидание?

– А ты приглашаешь меня на свидание?

– Ты, по-моему, издеваешься...

– Угу, – утвердительно кивнул Андрей.

В этот момент официант принес счет. Татьяна достала кредитку из спортивной сумки и положила на счет, даже не посмотрев на него. Андрей отодвинул кредитку и принялся изучать счет, после чего, вывернув карманы, вытащил на стол все их содержимое. Потом, что-то вспомнив, достал студенческий билет и вытащил из-под обложки пятьдесят долларов. Татьяна улыбнулась:

– Сударь делает заначки?

– Можно и так сказать. Собирался купить новые битки.

– А что это такое? Это какая-то одежда?

– В некотором роде, да, – засмеялся Андрей, затем достал из сумки спортивные перчатки и, показав их Татьяне, объяснил. – Боксерский сленг.

– Ага, это кожаные варежки, в которых джентльмены с задатками шахматистов дубасят друг друга по головам, – довольная своей догадкой, выпалила Татьяна.

– Не совсем, хотя насчет варежек ты права, только они предназначены для битья не людей, а снарядов – груш, мешков.

– Понятно, – ерничала Татьяна. Оба засмеялись.

– И как же ты будешь обходиться без этих своих битков?

– Обойдусь пока старыми. Потом разбогатею и куплю.

Денег Андрея как раз хватило для расчета в баре. Татьяна оценила жест своего нового знакомого и улыбнулась ему так, как женщины умеют улыбаться понравившимся им особам противоположного пола. Этот немногословный и несколько

провинциальный парень ей нравился все больше и больше.

– Судя по всему, это были все твои сбережения...

Андрей утвердительно кивнул.

– Насколько я понимаю, вы с отцом живете в гостинице вашего посольства, а туда минут тридцать езды.

– На метро – пятнадцать, – возразил Андрей.

– Но ведь у тебя закончились деньги, а в метро без денег не пускают.

– Пойду пешком.

– Ты серьезно? – не поверила Татьяна.

– Абсолютно, часа за полтора доберусь. Погода хорошая, и я к тому же люблю бродить.

– Ну, нет, так не пойдет. Ты меня накормил, напоил... Я тебя подвезу к посольству.

– Спасибо, не надо, мне там сейчас нечего делать и я собирался прогуляться.

– Ничего себе прогулки.

– Не бери в голову, – сказал Андрей, забросил за спину спортивную сумку, достал из-за пояса кепку и надел. – Увидимся.

– Подожди. Как же мы увидимся? Ты ведь больше не собираешься приходить в этот клуб.

– Возможно, будет какой-то прием в посольстве, и вас с отцом вновь пригласят.

– Я опять начинаю сердиться. Почему ты не хочешь меня куда-нибудь пригласить?

– Почему не хочу? Хочу, но пригласить я тебя могу только на пешеходную прогулку по городу или за город.

– Вот и отлично, только я не буду ждать, пока звезды на небе сойдутся так, что обо мне вспомнят, а посему приезжай к нам в загородный дом в субботу. Отцу вручили какую-то государственную награду – увидишь грандиозное празднование, будут практически все снобы столицы. Молодежи тоже будет чем заняться. Придешь?

– Если отцу не понадобится моя помощь – приду.

– Ты знаешь столицу?

– Только пару улиц.

– С тобой все ясно, пошли со мной, – Татьяна подошла к стоявшему невдалеке автомобилю и постучала в окно. Из машины вышел здоровенный детина и вопросительно посмотрел на Татьяну. – Знакомьтесь, Андрей, Дмитрий, – парни кивнули друг другу. – Дмитрий заедет за тобой в субботу к одиннадцати часам. Постарайся не опаздывать. Вам где-то час добираться, а празднование начнется ровно в двенадцать – это маппет-шоу не стоит пропускать, там будет чем заняться. Кстати, дай Дмитрию свой номер телефона.

Андрей продиктовал номер. Молча записав его, детина уселся обратно в автомобиль.

– А кто это? – недоуменно спросил Андрей.

– Один из водителей отца, он же телохранитель. А что, боксера впечатлил размерчик? – с издевкой поинтересовалась Татьяна. – Страшно?

– Нет. Тренер говорил: «Большие громче падают».

Татьяна рассмеялась. Они попрощались и разъехались, вернее, Татьяна уехала, а Андрей побрел домой улицами столицы.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Помните ли вы окончание своего первого свидания с тем человеком, при виде которого начинало чаще стучать сердце, и то неизвестное доселе чувство беспокойства и жжения где-то в области грудной клетки, и незнакомое состояние легкости вперемешку с желанием бежать и кричать от счастья – состояние эйфории, которое больше никогда не посещало вас, каких бы успехов вы ни добивались. Вспомните и постарайтесь пережить это чувство еще раз в своих воспоминаниях. Попробуйте – вам понравится.»

И вот наступила суббота. Этот день для Андрея, казалось, ничем не отличался от любой другой субботы: подъем в семь, пробежка в парке, контрастный душ, завтрак и... Но что-то было не так... Андрей ее ждал. Казалось, в воздухе кружилось беспокойство и напряжение. Раньше с ним такого не случалось, и вот... Безусловно, ему понравилась Татьяна, и вообще... Памятуя о последней ситуации, связанной с нарядом на приеме в посольстве, Андрей не стал экспериментировать и надел неформальную одежду. Без пяти одиннадцать ему позвонил Дмитрий:

– Я внизу, спускайся.

– Иду, – коротко ответил Андрей.

Через две минуты он уже садился в автомобиль. Дмитрий вопросительно посмотрел на пассажира, но ничего не сказал. Дорога на дачу Иезуита заняла около часа. Хотя, если говорить о даче, то это монументальное строение больше напоминало дворец пионеров времен развитого социализма. Территория приусадебного участка занимала по площади около двадцати гектаров! По периметру возвышался высокий забор со всевозможными средствами наблюдения и оповещения. Дом круглосуточно охранялся сотрудниками бывшего 9-го управления КГБ СССР, причем оплата их работы осуществлялась за счет государства.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «А помните времена упомянутого выше развитого социализма? Мог ли кто подумать, что еще вчера малозначащая должность управленца могла приносить такие дивиденды? Мог ли чиновник средней руки позволить себе подобный дачный участок, тем более, такую дачку? Мог ли царев человек иметь возможность выезжать за рубеж, я уже не говорю о недвижимости, приобретаемой за этим самым рубежом? И наконец, мог ли прожженный бюрократ устроить такой прием? Согласитесь, что вряд ли. Значит, возможно, не все было так плохо в стране развитого социализма. И, разрушив до основания социалистическое общество, нувориши от власти не создали ничего, что могло бы заменить выстроенную десятилетиями систему государственного управления.»

Первое, что увидел Андрей, пройдя во внутренний двор, —

это большое количество праздно тусующихся чиновников, бизнесменов, деятелей искусства и культовых служителей, а также их разбалованных детей. Приглашенные окружали расставленные прямо на траве столы со всевозможными деликатесами. Гости собирались небольшими группами по интересам, пили, ели, перемывали косточки окружающим, болтали ни о чем – в общем, развлекались. Первый конфуз возник, когда к Андрею подошла Татьяна. Он сразу не понял, почему та заливалась смехом, ведь у него со времени их последней встречи не выросли ни уши, ни рога. Андрей даже попытался изобразить разобиженное лицо, но уже через мгновение смеялся вместе с ней. Прозрение наступило в один миг: вечеринка была ну очень светской, и поэтому даже дети бегали в костюмах и в галстуках. Непротокольная форма одежды Андрея контрастировала с окружающим шиком и лоском.

– А ты, как я погляжу, мастер выделиться из толпы, – хихикнула Татьяна.

– Да уж, – озадачился Андрей. – Кажется, я опять отличился...

– Ну и как я – такая красивая и разодетая, можно даже сказать, наследница «несметных богатств» своего папаши – буду водиться с простолюдином, одетым с барахолки?

– Слушай, я, наверное, пойду.

– Ты серьезно или разыгрываешь меня?

– Абсолютно.

– Ты меня пугаешь своими резкими изменениями поведения. Потратив час времени на дорогу, ты подходишь ко мне и говоришь, что уходишь? Сам-то подумал, что сказал?

– Да, я ухожу.

– Жаль, – растерявшись, сказала Татьяна.

– Почему? Здесь такое общество! – подняв указательный палец, многозначительно произнес собеседник, – думаю, сударыня найдет с кем скоротать время.

– А я тебе не дам машину, вот.

– Пойду пешком.

– Ну, хорошо, я тебя прошу – останься, а? А то мне все эти постные рожи уже вот где сидят.

– Здесь много молодежи, найдешь круг по интересам.

– Да сдалась мне эта молодежь. Здесь, кроме Кирилла, вообще не с кем разговаривать. Одни чистоплюи и мажоры. Меня от них тошнит.

– А вы, значит, сударыня, сами из рабочих-крестьян?

– Почему ты все время пытаешься со мной поссориться? – возмутилась чуть не плача Татьяна.

– Не хочу ни с кем ссориться, а тем более с тобой. Просто я не из этой сказки. Выше нос, сударыня, – сказал Андрей, дотронулся указательным пальцем до кончика носа Татьяны, подмигнул ей, развернулся и побрел в направлении столицы.

Татьяна осталась не на шутку озадаченной: тот, которого она так ждала, прошел, что называется, мимо, публика действительно была пестрая и отвратная, а Иезуит время от вре-

мени дефилировал среди приглашенных с парой длинноногих похотливых блондинок, как павлин в брачный период, и этот факт уже сам по себе раздражал его дочь. Вот в такой момент и наблюдал за ней Иезуит, вернее, он наблюдал за ней все время, пока молодые люди выясняли отношения, но при этом не дал себя обнаружить, делая это неявно. Когда Татьяна вернулась к гостям, он подозвал помощника и коротко изрек:

– Узнай – кто, что и почему здесь? Объективку мне на стол завтра же.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Эх, молодость, молодость – воистину чудное время! Это то время, когда новые знакомства заводятся за пять минут, когда друзьями становятся за день, а врагами за два. Это когда влюбляешься сразу и, кажется, на всю жизнь... Правда, здорово?!..»

Андрей шел по дороге, окруженной хвойными деревьями. Он находился в своей среде: природа, одиночество и мысли. Частые смены места жительства и окружения сделали свое дело: Андрей не имел друзей. Приятели, конечно, были, но не друзья. Соответственно, общаться тоже было особенно не с кем, а посему все, что оставалось ему, – это мысли, сны да адреналин во время тренировок. Он любил по несколько раз прокручивать ту или иную ситуацию у себя в голове, но только с разными вводными. Вот и сейчас его сознание было занято прокручиванием последнего разговора с Татьяной.

Размышления прервал затормозивший рядом автомобиль:

– И снова здравствуй, бродяга, – сказал в открытое окно водитель Дмитрий. – Ты не мог еще хотя бы полчасака потусить на даче?

Я только присел перекусить – и на тебе: верни дорогого гостя туда, откуда привез!

– Не брюзжи, я не специально. И вообще – сам дойду, не надо меня никуда возвращать.

– Не выеживайся, это ты птица вольная: захотел – пришел, захотел – ушел. А мое дело – молчать и выполнять прихоти хозяев. Сказано доставить – значит доставлю. Вот.

– Хорошо, спорить не буду, доставляй, – сказал Андрей и уселся на переднее сиденье автомобиля.

– Слушай, а ты не сильно торопишься?

– Да вроде нет, – развел руками Андрей.

– Отлично! Как смотришь на небольшой перекус? Я на кухне спер походную сумку Иезуита – он любит иногда выбираться на природу. Он как раз вчерась планировал побродить по лесу, ну, и сказал поварьям, чтобы перекус организовали, а так как его с самого утра вызвал Сам, то с прогулкой обломалось...

– Не вижу причин для отказа, тем более, что на вечеринке рассчитывал немного подкрепиться... Как вдруг облом... А че у тебя есть?

– Чесслово – не знаю. У меня не было времени рассматривать содержимое. Давай вместе разбираться, – сказал Дмит-

рий и съехал с асфальтированной дороги в лес. Минуты через три автомобиль мягко остановился. Место, наугад выбранное Дмитрием, наилучшим образом подходило для организации пикника: небольшая лесная опушка, со всех сторон окруженная хвойно-дубовым лесом, мягкая трава, пенье птиц и лесные запахи – что еще нужно для отдыха горожанина, истосковавшегося по чистому воздуху. Дмитрий достал из багажного отсека автомобиля большую походную сумку с едой, пластиковый бокс-холодильник, расстелил покрывало из термоизоляционного материала прямо на траве...

Оба уселись и принялись изучать содержимое походной сумки Иезуита. Чего там только не было: ветчина, бекон, слабосоленая форель, палтус холодного копчения, консервированные тигровые креветки и мясо дальневосточных крабов, несколько видов сыров, охотничьи сосиски, икра лосося, белужья, масло сливочное, несколько видов французских булочек, свежие овощи, соленья и фрукты... Кроме этого, отдельный бокс был заполнен всевозможными десертами: шоколадом, конфетами, пахлавой, лукумом и халвой. Пластиковый бокс-холодильник также радовал разнообразием напитков: соками, пивом, вином, водкой, коньяком, колой, фантой и просто водой. Тут же были упакованы одноразовые стаканы, ложки, ножи, вилки, тарелки и салфетки.

– Ничего себе походный наборчик! – присвистнул Андрей. – А ты неплохо устроился.

– Это Иезуит неплохо устроился, а я так, случайно ока-

зался возле него. Вернее сказать, это тренер вытащил меня из одной задницы и всунул в другую, пусть земля ему будет пухом.

– А что с ним случилось?

– Да как-то случайно ударился головой о молоток... Три раза... И умер через неделю, так и не придя в сознание.

– За что его?

– Да кто теперь скажет... Думаю, на самом деле он был не тренером, вернее, тренером он был отменным, отдавался этому весь без остатка, но это была только часть его жизни. Жил он достаточно скромно, но вопросы, которые ему приходилось решать, были воистину государственными, при этом к его словам прислушивались не только сильные мира сего, но и сильные мира того – криминального.

– И из какой задницы он тебя вытащил?

– Из той, где половина нашего брата-спортсмена побывала... Школа, соревнования, армия, институт физкультуры, безденежье, бригада, одно ножевое да два огнестрельных, полтора года по больницам, полное разочарование в жизни, депрессия и все такое... Ты знаешь, я ведь искренне верил, что воровской мир более честный и справедливый, чем тот, в котором я жил до него, но на поверку оказалось не все так, как казалось: те же интриги, та же алчность, предательство, те же манипуляции чужими судьбами и жизнями, и так же основным мерилom социального статуса служат деньги – чем их больше у тебя, тем большую армию можешь содержать, и

тем больше твой авторитет в среде подобных.

– А теперь ты во что веришь?

– Издеваешься?

– Нет. Интересуюсь.

– Здесь я вообще потерялся. На поверку официальный мир оказался более криминальным, чем тот. Те же разборки и стрелки, только не в тихих удаленных местах, а в больших кабинетах, свои авторитеты, свои киллеры, свои шестерки, так же крышуется бизнес, и такие же волчьи правила игры, только более циничные и жестокие. Знаешь, когда наказывают в криминальном мире, то семью, как правило, не трогают. Здесь же все наоборот: сначала уничтожат всю твою семью, а уж потом возьмутся за тебя и сделают это с особым цинизмом и выдумкой. В этом мире, когда убивают, то делают это показательно – казнят с особой жестокостью, дабы другим не повадно было.

Оба замолчали, и какое-то время молча жевали бутерброды.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот она – проза жизни, вот она, правда, понятая и рассказанная простым охранником и недоступная большинству одураченного населения некогда огромной страны. Все, что мы слышим и видим из ящиков с голубыми экранами, читаем в газетах и в Интернете – большая иллюзия вселенского обмана. Нас водят по жизни режиссеры человеческих судеб, создавая ложные цели и ценности, разрушая нашу самобытность и равняя всех под одну

гребенку. Главный критерий оценки человеческого существа – успешность. Будь успешным – и будешь счастливым, заработай кучу денег – и тебя будут любить женщины, выдумай что-нибудь эдакое первым – и ты станешь кумиром тысяч, и слава будет твоим спутником. Правда заключается в том, что счастье – понятие не материальное, и никак не зависит от денег, успеха, славы. Как часто мы видим, что успешные в обыденном понимании люди глубоко несчастны и одиноки, а спутницы располневших толстосумов любят на самом деле не своих спонсоров, а их деньги. Деньги стали мерилom всего: твои картины продаются за хорошие деньги – значит, ты неплохой художник, твои песни крутят по радио – значит, ты популярный исполнитель, тобой восхищаются окружающие и поют дифирамбы – значит, ты действительно хороший человек. Беда в том, что мы искренне в это верим, упиваясь своей значимостью и гениальностью. А еще мы верим в некую справедливость государственного устройства, в то, что чиновники думают о нас и работают для нашего блага. Смешно, не правда ли? Только вдумайтесь: милиция ловит бандитов и борется с организованной преступностью, торговлей наркотиками, проституцией и т. д. Она действительно ловит отморозков-одиночек и психически неуравновешенных типов. А вот что касается организованной преступности, наркотиков и проституции, то тут все обстоит намного банальней: государство с его деньгами и аппаратом подавления

способно уничтожить любой очаг организованной преступности еще в его зародыше (тому есть тысячи примеров: после прихода Муссолини к власти воспетая Марио Пьюзо бессмертная итальянская мафия прекратила свое существование на территории Италии в течение месяца), но... Почему-то тысячи сотрудников правоохранительных систем мира, на вооружении которых стоит передовая техника с огромной армией осведомителей, завербованных и внедренных агентов, не в состоянии справиться с несколькими сотнями известных криминальных авторитетов... Ответ как всегда лежит на поверхности: зачем уничтожать своими руками созданную, организованную и абсолютно подконтрольную систему криминального мира, на борьбу с которой так удобно списывать бюджетные деньги, содержать огромный штат, как правило, необразованных и вооруженных боевиков в погонах, готовых по приказу свыше пресекать, стрелять и наказывать. А еще вдумайтесь – может ли алчный по своей сути чиновник пропустить мимо себя такой прибыльный бизнес как торговля наркотиками? Получается очень удобная и «цивилизованная» схема работы: криминальные структуры «организуют» под бдительным контролем правоохранителей наркотрафик, поставляют и распространяют дурь, наказывают нерадивых дилеров, фемида ловит и садит шпану, решившую по-легкому срубить деньжат без участия всемогущей крыши и за рамками так хорошо организованного бизнеса. Денежные потоки

и сырьевые наркоресурсы под бдительным контролем специально обученных и засекреченных царевых людей курсируют вдоль и поперек страны (вы себе даже представить не можете объемы этих поставок и суммы гонораров). Безусловно, все перечисленное выше делается отдельными высокопоставленными чиновниками, которых мы видим на голубых экранах в образах великих хозяйственников или бесстрастных борцов с преступностью. Основная же масса сотрудников правоохранительной системы и государственных хозяйствующих субъектов, конечно же, не догадывается о том, что она делает, выполняя приказы вышестоящего начальства или перевоза под охраной фельдъегерской службы опечатанные и опломбированные контейнеры. Ну, а в случае сбоя, попадания информации в прессу или иного разглашения так тщательно хранящихся тайн происходит зачистка ключевых звеньев цепи: самоубийством заканчивают жизнь министры, скажем транспорта и внутренних дел, а сошки поменьше становятся жертвами криминальных разборок или вешаются в следственных изоляторах на собственных штанах. А еще есть категория зарвавшихся, разжиревших одиночек, посчитавших, что они могут откусить часть чужого пирога (их, как правило, убивают прямо в здании суда – для пущей важности и для устрашения тех, кто похотливо смотрит в чужой огород). Наркотики – это, на самом деле, очень дешевый товар с сумасшедшей доходностью, обеспеченной

запретом на их распространение. Только представьте, что дурь свободно можно купить в аптеке – сразу начинает работать рыночный механизм: стоимость сырья + стоимость переработки и доставки + плановая доходность... И из суперприбыльного бизнеса порошок превращается в обычные медикаменты – ни больше, ни меньше. Значит, чтобы иметь гиперприбыли, необходимо создать дефицит товара и контролировать его поставки – одним словом, сделать монополию. Отсюда совет всем, кто встал на этот путь обогащения: решив связаться с наркотой, вы всегда будете под бдительным контролем – как государства, так и криминальных структур. Вы никогда не будете уверены – проснетесь ли завтра, даже в том случае, когда строго будете соблюдать негласные правила (вы вдруг можете стать нежелательным свидетелем и вас зачистят). И последнее: если вы уже в системе и «успешно» торгуете зельем, никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушайте главного правила – товар должен быть оплачен в срок.

Это аксиома, ибо, как я говорил ранее, порошок обходится собственникам этого бизнеса довольно дешево, но чтобы зарабатывать на нем, необходимо держать всю систему в страхе, посему никто не будет утруждать себя выбиванием долгов за товар – вас просто убьют, и всего делов. Для бизнеса убыток небольшой, но зато остальным будет хороший урок. С проституцией ситуация обстоит примерно так же...»

Да-с... Что-то меня опять заносит... Забудьте. Вернемся

к нашим героям».

– Каким спортом занимался? – прервал размышления Дмитрий Андрей.

– Сначала борьба, позже рукопашка... А ты, я так понимаю, боксер, – чуть помедлив, утвердительно сказал Дмитрий.

– Где-то так... Особых успехов не добился, но и бросить как-то не получается. А тебе обо мне Татьяна сказала?

– Да нет, – улыбнулся Дмитрий, – я вашего брата за версту вижу. У вас у всех одинаковые повадки: как правило, опускаете подбородок и смотрите на мир из-под лба, а еще иногда автоматически поднимаете плечо, прикрывая подбородок...

– А я думал, что боксеры забывают снимать боксерские перчатки на улице...

Оба рассмеялись.

– А как ты попал к Иезуиту? – поинтересовался Андрей.

– Я же говорил... Тренер после ранения вытащил меня из бригады и договорился о работе у этого похотливого индюка. Честно говоря, я себя уже списал, лежа в больничке: был уверен, что добьют. Но меня оставили в покое, хотя предьява была серьезной – я здорово покалечил сына одного авторитета. Спасибо тренеру – хороший был мужик.

– Сейчас тренируешься?

– Нет... Я, похоже, свое отзанимался... Мне прострелили почку, и ее пришлось удалить. Вот такая вот история. Стараюсь поддерживать форму: делаю зарядку, а по выходным

люблю пробежаться либо в лесу побродить несколько часов кряду. Соответственно, никакого алкоголя и диета. А в целом я даже рад, что все так получилось. Знаешь, раньше не получалось радоваться простым вещам: все время куда-то бежал, что-то доказывал. А на самом деле вся эта суета не стоила выеденного яйца: деньги и женщины закончились так же, как и появились, родители умерли, пока я был в больнице, так что я даже на похоронах не присутствовал, не говоря уже о том, что звонил, в лучшем случае, раз в месяц, а навещал не чаще двух раз в году. Зато теперь я встаю утром и радуюсь, что светит солнце, что я все еще жив, что рядом есть дорогой мне человек – Оксана, и у нас скоро будет первенец, и, в конце концов, что кто-то свыше меня сильно любит, раз уберег и дал шанс начать жизнь заново. Что-то я разсентиментальничался. Не обращай внимания. Давай закругляться и поедем, а то начнут трезвонить.

Андрею Дмитрий понравился. Он даже немного завидовал его тяге к жизни и умению радоваться всему, что его окружало. Конечно, жизнь Андрея не была таким испытанием, но он и никогда не стремился что-то кому-то доказывать. В их характерах было очень много сходного – оба не любили выделяться. Похоже, это и стало причиной симпатии друг к другу.

Закончив импровизированный обед или поздний завтрак, наши герои уселись в автомобиль и двинулись в столицу. Минут через пять зазвонил телефон Дмитрия – помощница

Иезуита раздраженным голосом давала указания, когда, кого и куда надо доставить. Дмитрий молча выслушал, сказал «хорошо» и положил трубку.

– Спихватились. Легки на помине.

– Слушай, Дим, ты не заморачивайся, подбрось меня к метро, а я доберусь своим ходом.

– Спасибо, старик. А то в столичных пробках можно и в выходной простоять ой как долго... Меня эта помощница съест без соли, если опоздаю. Затем подумал и продолжил:

– Слушай, не в моих правилах давать советы, но постарайся выслушать то, что скажу.

– Валяй.

– Я насчет Татьяны... Это, конечно, не мое дело, но, похоже, ты ей определенно нравишься, и это может быть для тебя проблемой.

– С чего ты взял, что я ей нравлюсь? И почему у меня должны быть с этим проблемы?

– Я уже успел повидать на своем веку, и поверь, могу отличить взгляд влюбленной девушки от просто взгляда. А проблемы у тебя будут с Иезуитом, если вздумаешь за ней ухаживать. Это очень властный, сумасбродный, коварный и циничный человек. Он не остановится ни перед чем. Для него не существует жалости или сострадания. Для таких, как он, цель всегда оправдывает средства. А его целью сегодня является женитьба Татьяны и Кирилла.

– Для чего?

– Родитель Кирилла – член семьи Самого, а, соответственно, это входной билет на самый верх власти. Кстати, Татьяна для него никогда не была чем-то близким. Похоже, у него напроочь отсутствуют какие-либо чувства к дочери, как, впрочем, и к кому бы то ни было. Но она во всей этой толпе как луч света в темном царстве: сумела сохранить человеческий облик, не превратилась в мажорного отпрыска, не пытается выделиться и особо ни с кем не общается, кроме Кирилла. Кирилл – неплохой парень, и, похоже, влюблен в Татьяну, но она не отвечает ему взаимностью – они просто дружат. Однако Иезуит всегда добивался своего, а посему берегись: если станешь на пути этого вампира – тебе не позавидуешь. Я серьезно говорю: остерегайся его. Я в своей криминальной жизни всего пару человек встречал с такими повадками, и то они по сравнению с ним – дети.

– Ты уверен?

– Более чем. Давно у него работаю, и не раз был свидетелем, как он расправляется со своими врагами. Причем врагов он сам себе выбирает. Кого обманом, кого клеветой, а кого просто в могилу.

– Прямо-таки и в могилу?

– Поверь. Конечно, я не видел, чтобы он отдавал приказ или сам стрелял, но только после скандалов с ним с оппонентами начинали происходить какие-то проблемы: кого-то поймали на взятке, а кто-то просто разбился на машине. И это не шутки, поверь моему опыту.

– Знаешь, я его видел всего один раз, и он мне тоже не понравился.

– Он наблюдал сегодня за тем, как вы с Татьяной ругались.

– Мы не ругались.

– Да какая разница... Если я скажу, что он наблюдал за тем, как вы мило беседовали, – это как-то исправит ситуацию?

Оба замолчали.

– И что мне делать? – поинтересовался Андрей.

– Не знаю. Я тебя предупредил, а ты выводы сам делай – уже большой мальчик.

– Ладно, в любом случае спасибо.

В этот момент автомобиль плавно остановился возле конечной станции метро. Парни попрощались, пожав друг другу руки.

Празднование в доме Иезуита удалось на славу: и тебе клоуны, и музыканты, и цыгане, и фейерверки... Вот только Татьяне этот день подарил большие ожидания и огромное разочарование. Какое-то время она провела с Кириллом, а после просто сидела в саду на качелях и болтала ногами.

Рабочее утро Иезуита началось как обычно: помощница озвучила запланированные встречи на день, сообщила об ожидающих и хлопотавших о встрече, получила указание забронировать на вечер столик в каком-то богемном ресторане (намечалась очередная встреча с очередной особой противоположного пола), после прошло совещание с подчиненны-

ми, на котором Иезуит снизошел до выслушивания их предложений и оправданий, затем кофе-брейк с молодой сотрудницей...

И вот, когда секретарь напомнила о приближающемся времени обеда с министром финансов, в кабинет вошел личный помощник Иезуита. Здесь следует немного остановиться. Это была самая загадочная личность его окружения. Тихий, с холодным пронзительным взглядом, похожий на хищную кошку человек неопределенного возраста с лицом, не выдающим эмоций. Сотрудники недолюбливали его и побаивались, распускали о нем самые невероятные слухи и старались избегать встреч с глазу на глаз. Никто точно не знал, чем эта личность занимается, но зато все знали верную примету: если Михаил Соломонович кем-то интересовался, то у этого кого-то тут же возникали проблемы, как со здоровьем, так и с работой, и, собственно, с жизнью. Говорят, что он служил военным инструктором где-то в Африке. Однажды молодой программист, чья девушка также работала под началом Иезуита, случайно застал свою полураздетую возлюбленную в объятиях начальника... Ну и, будучи вспыльчивым и еще не совсем мудрым, наговорил обоим много нелестных слов, с использованием, безусловно, ненормативной лексики. Иезуит сделал вид, что ничего не произошло. Юноша, конечно же, уволился, а через неделю его нашли без сознания с переломанными ногами и руками, так что бедняге пришлось около года пребывать в различных лечебных заведе-

ниях (то кости неправильно срастались, то просто не хотели срастаться).

Соломонович подошел к столу и достал из внутреннего кармана вчетверо сложенные листы бумаги:

– Объективка на интересовавшего вас молодого человека.

– Ты можешь не тянуть, а просто и доступно объяснить, кто это такой и что он делал у меня в доме? – начинал раздражаться Иезуит.

– Зовут этого молодого человека Андрей, он сын чиновника посольства сопредельного государства, на прием в которое вы были приглашены вместе с дочерью, где молодые люди и познакомились. Парень приехал в столицу к отцу не так давно, перевелся в столичный вуз. Занимается боксом, не любит шумные компании и ведет достаточно замкнутый образ жизни: не тусит, не употребляет спиртное ни в каком виде... В общем, ничего примечательного. Воспитывался без матери и долгое время после рождения не разговаривал. Врачи даже успели поставить диагноз – аутизм, но он в конце концов заговорил, хотя по-прежнему предпочитает одиночество шумным компаниям. Есть еще информация, что он сочиняет стихи и пишет музыку. Больше на него нет ничего. А вот его отец – достаточно интересная фигура, – сказал Соломонович и сделал многозначительную паузу.

– Не томи.

– Я не смог нарыть на него никакой информации. После развала империи часть архивов спецслужб (особенно внеш-

ней разведки) бесследно исчезли, и сдаётся мне, что эта личность пребывала в тех списках не на самом последнем месте.

– Чего это тебе сдаётся? Перестань говорить загадками и объясни понятным языком.

– Был в ПГУ такой засекреченный отдел... Точного названия не припомню. Знаю только, что подготовка одного специалиста этого отдела стоила государству огромных денег, а поэтому и конкурс туда был покруче, чем в самый престижный вуз столицы. В общем, я тоже туда не прошёл ни по здоровью, хотя был чемпионом страны в своём весе по борьбе, ни по знаниям, хотя был победителем школьных олимпиад.

– И кого там готовили?

– Понятия не имею. Все было очень засекречено. С каждым курсантом занимались индивидуально, и кто входил в эти группы, никто не знал. Вернее, эти курсанты могли учиться вместе со всеми, но о том, что они имели отношение к упомянутому засекреченному отделу, вряд ли кто-то догадывался.

– Прямо какой-то детективный роман у тебя получается... А с чего ты взял, что папаша этого отпрыска такой важный гусь? И почему наша разведка о нем не докладывает?

– Я же говорю, сейчас так не готовят. И если этот человек оказался в нашей стране, то, значит, что-то обязательно должно произойти. Что же касается моей уверенности в личности папаша, то сдаётся мне, встречались мы с ним однажды. А насколько вы успели убедиться, память на ли-

да у меня очень хорошая. Так вот, я тогда работал в резидентуре в посольстве Пакистана. Мы получили информацию о финансировании моджахедов спецслужбами Штатов через некую пакистанскую бизнес-структуру. По планам наших стратегов, необходимо было замкнуть денежные потоки на иную, подконтрольную империи, фирмочку. Полгода безуспешных поисков собственников компании не увенчались успехом. Мы собрали кучу материала о возможных фигурантах, но все зря. Вот тогда нам дали команду систематизировать собранный материал и передать его какой-то группе аналитиков из столицы, которая прибудет через неделю и которая займется решением данной проблемы. Каково же было наше удивление, когда мы увидели эту группу. Приехало два человека: какой-то капитан-связист и лицо афганской национальности. Вернее, нам казалось, что лицо это было афганской национальности... С нами общался капитан: он взял собранный материал, задал уточняющие вопросы и уединился с «афганцем», по прошествии нескольких часов нас вновь собрали в штабной палатке, капитан еще что-то уточнил и вновь несколько часов общения с «афганцем». Под утро «афганец» уехал из расположения части на верблюде и больше мы его не видели...

– Что-то я вообще перестаю тебя понимать... Каким боком к твоему рассказу имеет отношение отец этого отпрыска?

– Вечером, когда садилось солнце, мне удалось мельком

увидеть его лицо. Чалма, борода и солнцезащитные очки делали всех моджахедов похожими друг на друга, но в какой-то момент этот человек снял очки. Одним словом, я запомнил его взгляд: спокойный и холодный.

– Так к чему ты мне всю эту Санта-Барбару рассказывал? В чем гениальность этого человека?

– Где-то через месяц на нашу пакистанскую компанию вышли штатовские торговцы оружием с предложением о сотрудничестве. Для нас было загадкой, как так получилось, что мы почти год строили козни вокруг реализации планов наших стратегов, а тут сами янки вышли на нашу структуру?

– И где во всей этой ахинее изюм?

– Позже мы узнали, что предыдущей компанией управляли восемь человек. У каждого из них были свои счета, свои документы и свои каналы поставки. Плюс ко всему, у каждого из восьмерых было по несколько человек личной охраны, не считая водителей. Так вот, через месяц после того, как загадочный «афганец» покинул расположение части, янки потеряли связь со всеми восемью представителями и с их охранниками. За три недели поисков не удалось найти никого и ничего. Скорее всего, все они отправились к Аллаху. Только вот как этот один тощий «афганец» сумел справиться с целой группой вооруженных и обученных людей? Тем более, что расположение части он покидал абсолютно невооруженным. Я уже не говорю о том, как он сумел их вычислить, ведь над этим работала целая группа аналитиков и опе-

ративников. Вот теперь и представьте, что это за машина.

– Хо-ро-шо, – по слогам произнес Иезуит. – Сейчас же поедешь в такое-то управление и все им доложишь. Я позволю и предупрежу генерала. Ты уверен в правильности своих выводов?

– Я вообще ни в чем не уверен.

– Ладно, езжай и рассказывай, а шпионы пушай сами выводы делают. Ты, главное, организуй наблюдение за дочерью и этим молодым человеком... Даже лучше просто за дочерью, а то еще наткнетесь на их наружку...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот она, правда о рыцарях плаща и кинжала, вернее, часть правды. Хоть однажды столкнувшись с разведкой, вы поймете, что основной критерий работы этого государства в государстве – секреты и способы их хранения. Каждая разведка обеспечивает сохранность своих секретов исторически сложившимся способом. КГБ делал это, разрабатывая и устанавливая сложную многоступенчатую систему допусков, при этом зачастую секретной становилась даже информация, такой не являющаяся на самом деле. Но союз был империей, и посему никто не считал деньги: надо засекретить что-нибудь – значит, надо, и не важно, сколько это стоит. Моссад хранит свои секреты, делая их всеобщим достоянием: в прессу попадает огромное количество противоречивой информации, среди которой есть секретная. Основная задача аналитиков противоположной стороны отыскать правильный вариант, вот только это зачастую

становится неразрешимой задачей (это как спортлото: 5 из 36 или 6 из 49... Во втором варианте больше призовой фонд, но и вероятность угадывания шести номеров намного ниже вероятности угадывания пяти номеров). Вот в чем все разведки мира похожи, так это в решении проблем с «предателями». Здесь все просто: подозреваемый в разглашении либо уничтожался самым жестоким образом, либо над ним устраивался показательный процесс, и, уже сидя в местах не столь отдаленных, он «накладывал на себя руки», ну или «при попытке бегства...» Отсюда и образ жизни этих самых рыцарей плаща и кинжала. Вы никогда не увидите в реальной жизни эдаких Штирлицов или Зорге в кожаных плащах и с поднятыми воротниками, да еще стреляющими наугад в десятку. Хотя тут я погорячился: стрелять они все-таки умеют...

Но прошло время, империя была развалена и уничтожена, и четко работавшая система комитета дала сбой: цели размыты, ценности заменены, а все идеи сведены в одну – будь успешным, т. е. будь богатым, а будешь богатым – будешь счастливым и т. д. Молодежь, не нюхавшая порошу и, соответственно, не имевшая сильного идеологического стержня, с легкостью приняла новые правила игры, бесхребетные стариканы тоже восприняли их на ура, и только небольшая часть правильно обученных и воспитанных в лучших советских традициях специалистов не могла смириться с таким положением вещей, но при этом ввиду своей инертности и

неспособности на самостоятельные действия стала бездумно исполнять приказы приспособленцев и проходимцев, добравшихся к власти, и с маниакальным нетерпением ожидать наступления желанной пенсии. Теперь спецслужбами стали руководить либо «профессиональные» революционеры, либо гомосексуалисты-любители, чье лобби в парламентах постсоветских республик стало набирать силу: то им гей-парад подавай, то узаконь однополые браки. Отныне назначения на должности стали проходить не на основании принципа профессиональной пригодности, а на основании партийной принадлежности: не важно, какой ты специалист, а важно интересы какой политической силы поддерживаешь. Ну или, на худой конец, с кем спишь. Такая вот петрушка вышла с этими, так сказать, органами внутренней и государственной безопасности. Я уже молчу о налоговой милиции – вымогатели в погонах. Ну, да об этом в другой раз.»

Спустя пару часов Соломонович доложил генералу из контрразведки о своих подозрениях, и уже через полчаса добрый десяток сотрудников «уважаемого» ведомства активно занимался сбором информации об отце Андрея.

Сон четвертый

Прошло дней десять, прежде чем наши влюбленные герои встретились вновь. На этот раз, впрочем, как и в предыдущий, инициативу на себя взяла Татьяна. Попросив телефон Андрея у Дмитрия, она не задумываясь набрала полученный номер:

– Привет тебе, неадекватный знакомец.

– И тебя туда же.

– Ну?

– И?

– Ну, скажи что-нибудь.

– Что-нибудь.

– А ты, как я погляжу, не особо-то и разговорчивый... Не молчи. Говори же...

– Ты позвонила, ты и говори.

– Хорошо. Вернее, плохо. Я сейчас поступаю, как плохая девочка... Во-первых, звоню первой...

– А во-вторых, не знаешь о чем говорить дальше.

– Ну, где-то так. И еще чувствую, что поступаю, как последняя дура.

– Попробуй поступать, как первая умница.

– Для этого я должна сидеть и ждать твоего звонка, но, как я поняла, ждать мне придется очень долго...

– Я скажу больше: у тебя есть шанс вообще не дожидаться.

Ты не давала мне свой мобильный.

Оба рассмеялись.

– Я так понимаю, что сударыня имеют свободное время и не имеют, куда его потратить.

– Угу... – ответила Татьяна.

– Тогда через час в центре возле фонтана.

– Возле которого?

– А что – у вас в столице он не один?

– Я знаю несколько десятков, – улыбнулась Татьяна.

– Упс... Тогда возле того, который недалеко от спортклуба.

– Хорошо. А куда поедем?

– Зачем обязательно куда-то ехать? Просто пойдем, погуляем.

– Я не люблю гулять втроем.

– Я думал, мы будем вдвоем.

– Ну, в общем-то вдвоем, и охранник.

– Ты сама дорогу не найдешь?

– Да я-то найду, но Иезуит запрещает. Он большая шишка, а я дочь большой шишки и посему должна жить по установленным им правилам. Правила таковы: где бы и с кем я ни гуляла, рядом всегда охранник, или два охранника. А вот если я в ресторане, то охранник может ждать меня в машине и не дышать в спину. Хотя из этого правила тоже есть исключения: если охранник из автомобиля не может видеть оба выхода из ресторана, то он находится внутри. Так что я

заложница своего высокопоставленного папаша.

Андрей засмеялся в трубку.

– Ты чего смеешься? – обиделась Татьяна.

– Я представил, что тебе в туалет приспичило, а там два выхода... – Оба рассмеялись.

– Ты вот что, – прервал смех Андрей, – бери с собой Диму, а там разберемся.

– А ты откуда его знаешь?

– Ну вот те раз... Ты же сама его со мной знакомила. Он меня привозил к вам в замок.

– Это не замок, а дача.

– Ну я и говорю: во дворец. По-моему, дача – это 50 или 100 квадратных метров, а не 2–3 тысячи.

– Да, вспомнила.

– Можно подумать, у вас тысячи охранников и ты их не запоминаешь...

– Тысячи, прямо скажем, у нас нет, но с полсотни точно имеется. Хотя, если честно, Димка один из тех, на кого можно положиться, по крайней мере, мне так кажется.

– Ну, вот и ладушки. Через час возле фонтана, который возле клуба.

– Заметано.

Полчаса Татьяна потратила на выбор соответствующего наряда...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Интересные эти существа – женщины. Они способны убивать кучу времени для

того, чтобы понравиться особям противоположного пола, делая вещи, на которые эти самые особи, в лучшем случае, даже не обратят внимание. Мужчина, проведя вместе с женщиной целые сутки, потом вряд ли вспомнит, в какой кофточке она была, но зато будет в состоянии описать основные тактико-технические данные этой особы (рост, вес, кривизну ног, размер бюста, талии и т. д.). И не сочтите меня циником, дорогой читатель, я ведь просто констатирую факты.»

Через час Андрей бродил возле фонтана, наблюдая за подростками, выеживающимися друг перед другом в мастерстве управления скейтбордами и велосипедами. Это действо было сродни программам канала «Энимал пленет», демонстрирующим брачные игрища различных животных. Еще через полчаса появились Татьяна и Дмитрий. Возле фонтана была пешеходная зона, посему подъехать на авто не представлялось возможным. Ребята поздоровались как старые закадычные друзья, обменявшись ничего не значащими фразами.

– Быстро вы подружились, – съерничала Татьяна.

– Рыбак рыбака видит издалека, – парировал Дмитрий.

– А вы уже вместе успели и на рыбалке побывать? – удивилась Татьяна.

Ребята засмеялись.

– Я что-то перестаю вас понимать, судари. Мне уже надо обидеться или поддержать этот дурацкий смех.

– Нет, мы не рыбачили вместе – это такая поговорка, – пояснил Дмитрий. – Когда я отвозил Андрея, мы нашли много

общего в интересах, ну, спорт и все такое.

– Да? – сделала нарочно удивленный вид Татьяна. – А Андрей не говорил тебе, что большие громче падают?

Парни вновь рассмеялись.

– Мой тренер тоже так всегда говаривал, – сказал Дмитрий.

– У вас что – и тренер один был?

– Да нет, видимо, все тренеры где-то немного похожи друг на друга, – ответил он и добавил. – Какие планы на вечер?

– Да вот хотели прогуляться... наедине... – хитро взглянул в сторону Дмитрия Андрей.

– И гуляйте себе на здоровье. Просто я буду неподалеку, – сказал Дмитрий.

– Но мы уже совершеннолетние, – возразил Андрей.

– Вы, молодой человек, не входите в круг моих профессиональных интересов, а вот эта молодая особа, увы, должна соблюдать установленные ее отцом правила: гуляем под присмотром, обедаем, ужинаем тоже, но издалека.

– Что я тебе говорила?

– И что, никак нельзя нарушить установленные правила? – поинтересовался Андрей.

– Можно, но не со мной. Иезуит хорошо платит, а у меня скоро пополнение в семье, вот и не хотелось бы потерять работу. Ничего личного.

– Дак мы никому не расскажем.

– Если сударыня не будет против, и не сочтет это плохим

тоном, я позволю себе забрать ее кавалера на пару слов, – высокопарно произнес Дмитрий.

– Ох! – вздохнула Татьяна. – Забирайте уже, – и жеманно махнула рукой в сторону Андрея.

Дмитрий сделал кивок Татьяне, взял под руку Андрея и очень по-светски медленно отвел в сторону, где их не могли слышать.

– Слушай, без обид, не могу.

– Почему?

– Мало ли что.

– Неужели ты думаешь, что я не смогу ее защитить или убегу в самый неподходящий момент?

– Отнюдь. Я почему-то уверен в обратном, но это проходит только с уличным хулиганьем.

– А мы и не собираемся впутываться в какие-то криминальные разборки.

– Не сомневаюсь, но криминальные разборки могут впутаться в вас.

– А ты можешь говорить не загадками?

– Могу, но мне нельзя, – многозначительно произнес Дмитрий. – Ладно, черт с тобой – слушай. Где-то чуть больше полугода назад команда Иезуита попыталась отместить на территории вашей страны один из бизнесов местного олигарха Сени Поломойского – Дебиловского. Общая разработка показала, что трудностей данная операция не составит. Откомандировали Сакса Петушкова, проверенного кадра...

Все прошло хорошо, правильные судьи приняли правильные решения, милиция отработала захват по постановлению суда, руководство заменили и свою охрану тут же выставили – классический рейдерский захват. Но оказалось, что за Сеней стоит не кто-нибудь, а большие дяди из-за границы, и, соответственно, они защищают свои инвестиции. Команду Сакса расстреляли на одной из людных улиц вашей столицы нагло и среди бела дня. Сакс, будучи неглупым малым, подался в бега – вернулся в столицу Империи, но ему большие дяди приказали возвращаться: мол, с властями все решено, и что его, Сакса, никто не тронет. Приказ есть приказ: подмотался да вернулся. Уже в аэропорту вашей столицы ему устроили «торжественный прием» с наручниками, понятыми, репортерами... А потом застрелили прямо при выходе из здания суда. Одним словом, казнили бедолагу, нагло и публично. Скорее всего, это показательный процесс для всех, кто посмеет косо посмотреть в сторону Сени Поломойского.

– А при чем здесь наша прогулка с Татьяной?

– Янки добрались в столицу, прижмурили пару человек и сели на хвост Иезуиту. Разведчики вычислили стервятников, но ничего с ними сделать не смогли. Прихватили, обыскали: ни тебе стволов, ни взрывчатки, ни даже ножей, плюс граждане другого государства... Отпустили ни с чем, и тогда Иезуит придумал, как их вывести на чистую воду – подставил дочь. Зная, что янки наблюдают за ним, он оказывал дочери всяческие знаки внимания, то есть показывал, как он

ее любит, а они, понимая, что до него не дотянутся, начали охоту за ней... Иезуит этого-то и ждал. Янки охотились за Татьяной, а Иезуит охотился за ними. В общем, Татьяна чудом осталась жива. Надо сказать, что она даже ничего не поняла. Иначе вряд ли осталась бы с таким папашей.

– Ну, и чем закончилась эта детективная история?

– Несколько человек умерло с нашей стороны, несколько с их, а потом на высоком уровне сняли претензии друг к другу.

– И к чему ты мне все это рассказал?

– Насколько я понял, янки были в шоке, когда узнали, что Иезуит подставлял собственную дочь, дабы добиться результата.

– И какого результата добился Иезуит?

– Я не говорю о смерти троих стервятников янки – они, как правило, долго не живут. Но, кроме этих троих, еще двое пропали без вести. Мне даже страшно представить, какой смертью умерли эти двое, но одно могу сказать точно: рассказали они перед смертью даже больше, чем знали. В общем, где-то через месяц в Штатах на автомобиле разбились два высокопоставленных куратора Сени. Доказать, что они умерли насильственной смертью, их экспертиза не смогла, и посему все списали на несчастный случай. А в течение полугода в семьях этих погибших янки при загадочных обстоятельствах умерло по ребенку. И опять никто ничего доказать не смог, но я думаю – это была месть Иезуита за то, что кто-то решил покуситься на его высокосвятейшество.

– Пряма не Иезуит, а какой-то дьявол.

– Так и есть. И я тебя не зря предупреждал. Мне кажется, Иезуит понимает, что янки знают, чьих рук дело – смерть их сотрудников, и что рано или поздно они попытаются спросить за это, отомстив ему. Я даже думаю, что описанная выше смерть детей была ни чем иным, как хорошо продуманным ходом Иезуита: самого его достать тяжело – большая шишка, может разгореться международный скандал, а вот дочь всегда на виду, что называется, зуб за зуб.

– То есть?

– А то и есть: когда янки начнут мстить Иезуиту, то первой под удар попадет его дочь. Теперь ты понимаешь, что это за человек. На самом деле в вопросах подлости и коварства ему мало можно найти достойных конкурентов. Его побаиваются чиновники, стоящие выше на иерархической лестнице. Так что, юный Дон Жуан, ваших боксерских навыков вряд ли хватит, дабы уберечь Татьяну от рук могущественной спецслужбы.

– А твоих, значит, хватит?

– И моих не хватит, но я ведь не один к ней приставлен. Я уверен – вокруг крутится еще пару человек из контрразведки. Посему, если оставлю вас вдвоем, об этом тут же доложат Иезуиту, и я моментально потеряю доходное местечко. И к тому же не забывай: я, кроме статуса охранника, еще имею и оружие.

– А она знает о пересказанном тобой триллере?

– Откуда?

– От верблюда. От тебя, например.

– От меня точно не знает – я ей ничего не говорил. Вот.

– Ладно, я все понял, бодигуард. Говори, что я могу, а чего нет.

– Да все, что угодно, но только чтобы я вас видел, или видел все входы и выходы того места, где вы находитесь. Без обид?

– Какие обиды? Это же твоя работа. Постараюсь не напрягать.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот я навернул с сюжетом, не правда ли? Аж мороз по коже. Подождите, интрига только начинается.»

Андрей подошел к Татьяне и они побрели от фонтана в глубину одного из городских парков. Дмитрий двигался следом на небольшом расстоянии и делал это так искусно, что Андрей потерял его из виду уже спустя несколько минут.

Молодые люди брели не спеша аллеями парка, о чем-то болтали, смеялись, спорили. Им было здорово вместе. Это, наверное, и есть та самая влюбленность, когда одно присутствие дорогого тебе человека вызывает ощущение бешеного восторга. Парочка бродила достаточно долго, а затем засела в какой-то открытой кафешке. Несколько минут спустя Андрей предложил:

– Слушай, если ты не против, давай позовем Диму, а то он бродит за нами как тень, небось, тоже проголодался.

– Зови, меня он не напрягает, и, по-моему, нормальный парень.

Андрей оглянулся вокруг, но Дмитрия нигде не было, тогда он набрал его на мобильный и пригласил присоединиться к ним. Когда Дмитрий вырос перед ними, как гора посреди поля, Андрей спросил:

– Ты это, есть хочешь?

– Хочу.

– Ну вот, хочет есть и молчит.

– А мне надо было тебе смс-ки отправлять, чтобы вы заканчивали?

– Ну, хотя бы.

– И вы бы закончили?

– Не факт...

– Тогда зачем звонить?

– Чтобы убедиться. Ладно. Давай что-нибудь съедим.

В этот момент Татьяна обратила внимание на то, где она находится: это было обычное заведения фаст-фуда, где подавались ядовитые кола, фанта и спрайт, а также жутко вредные бутерброды а ля хот-дог, гамбургер, шаурма и картошка фри. Ее при виде такой еды даже передернуло:

– Вы что – серьезно собираетесь это есть?

Парни одновременно утвердительно кивнули.

– Вы в своем уме? Я это есть не буду.

– Не ешь, – одновременно сказали оба.

– Но я голодна.

– Тогда ешь, – опять синхронно сказали ребята.

– Вот это? – Татьяна с отвращением показала пальцем на официанта, пронесившего мимо них толстый гамбургер.

– Ну да. У них еще салаты есть.

– Вы что, издеваетесь?

– Нет. Мы просто хотим есть, а отвечая на твои вопросы, не можем сосредоточиться и сделать заказ. Вот свалимся сейчас в голодном обмороке, будешь нас волоком тащить к машине. Ладно еще меня, а Димку, думаю, не дотащишь, – с умным видом сказал Андрей и продолжил. – Давай мы делаем заказ, а ты, если не захочешь, просто посидишь с нами за компанию.

– Хороши джентльмены. А если я свалюсь в голодном обмороке?

– Мы тебя обязательно дотащим до машины, а особенно если перекусим, так что ты не переживай: с нами не пропадешь, – довольные своими остротами хихикнули ребята.

– Давайте поедем в другую кафешку, где нормально кормят.

– Ну, во-первых, машина находится в другом конце парка, а Димка растратил весь запас своей богатырской энергии и вряд ли дотянет до нее без подзарядки, а во-вторых, там, где, по-вашему, нормально кормят, мы по деньгам не потянем, а ужинать за счет барышни нам наше мужское достоинство не позволит (Дмитрий то качал головой в разные стороны, то утвердительно кивал в такт речи Андрея).

– А отравить ее вам ваше мужское достоинство позволит?

– А мы себе возьмем чего попроще, а барышне – чего подороже, а если чего, то у меня с собой всегда есть активированный уголь, – сказал, улыбаясь, Дмитрий. – Не волнуйся ты так, медицина у нас хорошая, ежели чего, то али марганцовочку даст, али клизмочку поставит.

– Ладно, делайте что хотите, мне все равно. В конце концов, один раз помирать, да и компания вроде нормальная... В морг-то доставите?

– В лучшем виде и с ветерком, – засмеялись ребята.

Минут через двадцать принесли бутерброды, картошку, колу, соусы, в общем, все то, от чего у диетологов волосы встают дыбом. Молодые люди заказали себе гамбургеры со свиноговяжыми котлетами, а барышне – с куском жареной семги. Проголодавшиеся особи мужского пола тут же набросились на бутерброды, поливая их всевозможными соусами и закусывая картошкой фри. Татьяна какое-то время смотрела на весь этот цирк с отвращением, но голод взял свое, и она потянулась к бутерброду. Откусив краешек, она не ощутила отвращения, ибо умело подобранные ингредиенты (листья салата, зелень, помидор, сладкий перец, какой-то соус, сыр и, собственно, рыба) сделали свое дело – было действительно вкусно. Правда, картошку фри она есть все-таки не стала.

В этот день больше ничего не случилось. Поев, поболтав и посмеявшись, молодые люди разъехались. Вернее, Дима

с Татьяной подвезли Андрея к посольству, после чего вернулись за город на дачу Иезуита. Высадив Татьяну возле дома, Дмитрий поехал к супруге.

Утром Иезуиту доложили о прогулке дочери в деталях и с фотографиями. Надо сказать, что кое-что спецслужбы еще не разучились делать, хоть и служили уже не во имя державы и не за царя-батюшку... Иезуит просмотрел фотографии без особого интереса, затем велел позвать к нему Дмитрия и распорядился продолжать вести наблюдение за дочерью. Дмитрий появился минут через десять.

– Звали?

– Расскажи-ка мне о новом ухажере моей дочери.

– А что именно рассказать?

– Все, что считаешь нужным... И все, что не считаешь, тоже расскажи...

– Да, собственно, и рассказывать особо не о чем: встретились, бродили по городу, затем засели в кафешке и болтали, потом позвали меня, перекусили и разъехались. Вот и все.

– О чем болтали?

– О чем болтали до моего прихода, не знаю, а при мне ничего серьезного: шутили, хохмили.

– А чего тебя позвали? Откуда такие теплые отношения с охраной?

– Дак это я для Татьяны охрана, а для Андрея просто человек...

– Так это он тебя позвал?

– Да.

– И каким же образом?

– Позвонил.

– Так. Подожди. А откуда у него твой телефон?

– Я его привозил на дачу, когда праздновали ваше награждение. Его пригласила Татьяна, а так как он города не знает, велела его забрать и привезти. А потом я его отвезил обратно.

– Понятно. И пока ехали, болтали всю дорогу.

– Ну да.

– И о чем болтали?

– О спорте. Он боксер, я занимался рукопашкой, вот и нашли общие темы.

– А какие у них с Татьяной отношения?

– Думаю, никаких.

– Откуда такие выводы, ты ведь с ними только поел? Или чего-то не договариваешь?

– Думаю так, потому как этот парень сильно не похож на всю остальную тусовку: одевается просто и без изысков, судя по всему, не любит тусить, и самое главное, по-моему, ему абсолютно пофигу, какую Вы должность занимаете и сколько зарабатываете, в отличие от остального контингента примажоренной молодежи.

– Ты хочешь сказать, что я для него пустое место, – начал злиться Иезуит от спокойствия и уверенности, с которыми этот молодой охранник говорил о его фигуре.

– Не знаю, но, возможно, Вы для него такой же человек, как любой встречный на улице.

– Не могу понять, ты меня пытаешься разозлить, делая такие выводы?

– Я работаю у Вас, и Вы мне платите. Не буду лукавить, платите хорошо. Поэтому и пытаюсь быть объективным, а не говорить то, что Вы хотите услышать. Но коли изволите, то могу отвечать односложно и преданно смотреть в глаза.

– Да нет, уж лучше так, чем как все остальные. Итак, откуда такие выводы об отношениях моей дочери и этого боксера?

– Насколько я понимаю, виделись они всего пару раз. Я неоднократно отвозил Ваших гостей из молодежи и точно могу сказать, что он сильно от них отличается. А все необычное и загадочное интересно.

Вот поэтому, наверное, Татьяне пока не скучно с ним. Но, думаю, это не надолго.

– Почему так решил?

– Уж очень сильно он от всех отличается. Думаю, причину этого можно найти где-то в медицинской энциклопедии. У моего двоюродного брата сын аутист. Так вот, повадки поведения моего племянника и Андрея очень похожи. И хотя Андрей точно не болен аутизмом, но что-то от этой болезни у него все-таки есть: он живет в каком-то своем мире и лишь время от времени из него возвращается. А девушки любят внимание, и чтобы мир вертелся вокруг них. Отсюда и мой

вывод, если хотите, – эти отношения очень ненадолго: интерес Татьяны к чему-то незнакомому быстро закончится, а его замкнутость, в конце концов, начнет ее раздражать.

– Значит, говоришь, аутизм, – стуча пальцами по столу, себе под нос сказал Иезуит. И Соломонович говорил, что были подозрения на аутизм. – Ладно, поглядим. Авось, ты и прав... Можешь идти. Надеюсь, тебе не надо рассказывать, что наш разговор не для передачи далее.

– Нет.

– Хорошо. Иди.

Через мгновение после ухода Дмитрия в кабинет из потайной комнаты вошел Соломонович. Иезуит вопросительно посмотрел на него.

– Парень неплохо держался, но был не совсем искренним.

– А я думал, что умею разбираться в людях. Мне показалось, он говорит правду.

– Мне тоже так показалось, но техника говорит иное. Вероятно, он не врет относительно того, что видел и слышал.

– Тогда что же?

– Он волновался, когда вы начали интересоваться отношениями вашей дочери и этого парня.

– В этом кабинете многие волнуются, – ухмыльнулся Иезуит.

– Этот был спокоен все время, все-таки школа, которую он прошел, дает о себе знать, а волноваться начал только в определенный момент.

– И что будем делать?

– Пока ничего. Похоже, выводы он сделал правильные. Остается немного подождать, дабы убедиться в этом либо получить опровержение. Потом будем действовать по обстоятельствам.

– И сколько ждать?

– Думаю, месяц, от силы два.

– Хорошо. Подождем. Только не спускай глаз с моей дочери. Мне необходимо решить вопрос ее замужества с Кириллом уже в этом году.

И еще присмотри за этим отпрыском, я имею в виду Кирилла, дабы он все время был на виду у дочери. Короче, ты сам лучше меня знаешь, что делать. Помни, это наш входной билет на самый высший уровень.

Обычно подведение итога Иезуитом говорило об окончании разговора, но Соломонович не уходил.

– Что-то еще? – вопросительно посмотрел на собеседника Иезуит.

– Я бы понаблюдал и за Дмитрием.

– За каким Дмитрием?

– Ну, за этим охранником, с которым вы беседовали.

– А, за этим... Какие проблемы? Считаешь необходимым, понаблюдай, – сказал Иезуит и встал из-за стола, давая понять Соломоновичу, что разговор окончен.

Дмитрий, выйдя из кабинета Иезуита, решил встретиться с Андреем, как только представится такая возможность, и

рассказать ему о состоявшемся допросе. Все-таки чутье его не подводило: в планах Иезуита не было места для Андрея, и это не предвещало ничего хорошего последнему.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Все течет и все меняется – это не я сказал. Все течет, кроме банальностей, повторяющихся с завидным постоянством десятилетиями, веками, тысячелетиями... Мы – маленькие оловянные солдатики, гордо стоящие на шахматном поле. Мы – самостоятельные боевые фигуры, но двигают нас более сильные руки больших игроков, и подчас эти самые игроки решают нашу с вами судьбу: пожертвовать фигурой или защитить ее, пожертвовав другой. На самом деле наша с вами жизнь не многим отличается от этой игры. Вы можете быть законопослушным гражданином, воспитанным в лучших традициях, обученным всевозможным наукам, языкам, ваше родовое дерево уходит корнями в древность, вы великодушны и благородны, вы любите свое отечество, слово «Родина» для вас не просто три пафосных слога, вы горды тем, что родились и выросли на этой земле. И тут – трах, бах: кучка безродных ублюдков и вырождков типа Ульянова, Кагановича, Троцкого, Свердлова, Дзержинского и т. д., поддерживаемая такими же отвратными созданиями с подобными фамилиями выползают из небытия на броневики и орут «вся власть рабочим и крестьянам»... Вот тут начинается: во всей державе убийства, насилие, мародерство,

алчные и безграмотные лизоблюды приходят к управлению некогда великой империей, уничтожая все бесценное, что было создано вековой историей многострадального государства, рушат церкви, вывозят ценности, расстреливают царскую семью... И что вам после всего этого остается: пойти в услужение демонам, дабы сохранить жизнь себе и своим близким, уехать навсегда за границу или пустить пулю в висок, сопротивляться этой пагубе и быть ею же раздавленным... И какой же из всего сказанного вывод: некогда огромную страну с ее традициями, с могучим духом отеческой любви сыграли беспринципные одноклеточные отщепенцы, для которых слово «Родина» – пустой звук; жалость и сострадание – проявление слабости; благородство и честь – выпендрож. Или другая ситуация: вы ни герой, ни наследный дворянин, ни военный, ни гражданин великой державы, любящий и лелеющий ее – вы гражданин не так давно созданного государства... Вы – еврей... И тоже вроде как добропорядочный гражданин своей страны, соблюдаете шабат, поститесь раз в неделю, отдаете десятину, любите евреев больше, чем гоев и т. д. И вот вы, весь такой порядочный и красивый, отходите от стены Плача, садитесь в автобус, и тут – трах, бах: шахид, обвешанный взрывчаткой, как закричит «аллах акбар» и бздынь на кнопку взрывателя... Сам вдребезги, вы вдребезги, еще куча народа вдребезги... Занавес. Да... К чему я все это? Все течет и все меняется, но только

не меняются извечные правила: ничего в этом мире просто так не происходит, а является следствием чего-то. Кучка психически неуравновешенных выродков (Ленин, Троцкий, Свердлов и т. д.) при поддержке и финансировании своих кукловодов устроила кровопускание огромной империи, и вот не прошло и тридцати лет, как другой алчный деятель (Гитлер) устроил кровопускание целому народу, представителями которого эти самые выродки были... Случайность? Боюсь, нет. Возможно, совершив большое зло, вы останетесь безнаказанны и доживете до ста лет, но будьте уверены: сделанное вами обязательно вернется, если не к вашим детям, то к вашим внукам – это точно... Что-то меня опять понесло. Не взывайте, дорогой читатель, пишу-то впервые...»

Андрей, практически ничего не делая, встал на пути Иезуита, а сравнить последнего можно разве что с асфальтоукладчиком – окажешься на пути – обязательно прокатает. Оставим на время наших уже надоевших положительных и отрицательных героев и вернемся в посольство к отцу Андрея.

Родители нарекли ему имя Михаил. Друзья, коих было двое, называли его Майклом. Иной информации, кроме упомянутой Соломоновичем и мной, об этом человеке не было. Андрей пересказал отцу слово в слово подслушанный разговор первой леди и неизвестного. Майкл поблагодарил сына и попросил не пересказывать полученную информацию ни-

кому. На вопрос, что бы это значило, отец ответил, что, мол, политика – очень тонкое и при этом сильно грязное дело, от которого он старается держаться подальше. В посольстве есть служба безопасности, разведчики, контрразведчики и другие функционеры, вот, мол, пускай они и разбираются, кто кому Рабинович. Однако это была только официальная версия и официальная реакция хорошо скрывавшего свое настоящее лицо сотрудника спецслужб. Безусловно, рассказанный сыном опус о контактах первой леди и о ее разгульно-похотливом характере не были для Михаила новостью – для специалиста его класса (а готовить в бывшей империи умели) одного взгляда на приставленную к президенту особу было достаточно, дабы сделать небольшие наброски психологического портрета указанной дивы. О ее связях с заокеанскими спецслужбами говорили даже бабушки на лавочках возле подъездов, однако правила во все времена оставались правилами: жена Цезаря вне подозрений. Службы фиксировали, документировали, архивировали и складывали подальше на полки под грифом «секретно» в спецхраны... Кто и когда мог воспользоваться переданной в архив информацией, не знал почти никто.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот она, очередная правда жизни: пока ты в седле, твори, что в голову взбредет, работай на несколько разведок мира, флиртуй с государственными мужами, спи с водителями или охранниками своего мужа, в общем, делай, что

хочешь... Ты – первая леди страны... Плебс должен тебя любить, чиновники побаиваться, но при этом тебе все должны. Круто...»

Михаила заинтересовала только одна фраза, пересказанная сыном: «В выборы страна должна войти в состоянии конфликта со старшим братом».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Вот так, дорогой читатель, в политике конфликты не рождаются сами по себе – они умышленно создаются специально обученными людьми, и при этом первые лица государств, как правило, используются режиссерами межгосударственных отношений вслепую (скажи, мол, то-то и то-то). А как мы уже отмечали ранее, всемогущие правители мировых держав на поверку оказываются мелочными, маленькими, ничтожными, ничего не решающими клерками, взятыми на работу т. н. тайными аристократами. Главный вопрос заключается в том, кому служат эти самые аристократы. Но попробовать придумать ответ на него мы постараемся несколько погодя».

То, что конфликта не избежать, Михаил понимал, но то, что организован этот самый конфликт будет руками президента, – было новостью. Более того, такая постановка вопроса явно усложняла предстоящую задачу: не допустить прямого открытого конфликта и, по возможности, выставить своих коллег из противоположного лагеря полными дураками. Надо сказать, что дух соперничества как был, так и оста-

ется одной из основных движущих сил работы разведок всего мира... Сложность сложившейся ситуации заключалась в том, что против страны и ее спецслужб играл не кто иной, как первое лицо страны, науськиваемое собственной женой.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Так всегда бывает: политики не рождаются агентами тех или иных спецслужб мира... Они растут, набираются опыта, получают признание прессы, к их особам начинает проявлять интерес общественность, бизнесмены, начинает расти рейтинг, и вот тут как тут появляются они – рыцари плаща и кинжала, вернее, они и раньше всегда находились рядом, но после определенного момента их присутствие становится неизбежным. Они появляются из ниоткуда, как старые и добрые знакомые, подруги, звезды шоу-бизнеса, с которыми вы общались, – в общем, они всегда в таком виде, который не вызывает аллергии. Они всегда придут вам на помощь и вытащат из беды, в которой окажитесь. Но... Не верьте этим лисицам, ибо беда, в которой вы оказались, как правило, и есть умело спрогнозированная, организованная и созданная ловушка, выбравшись из которой с их помощью, вы до конца дней будете должны своим «спасителям»... И методы держания завербованного в узде, в зависимости от характера и темперамента последнего, могут различаться: один убоится огласки интимных подробностей, запечатленных на фото и видео, другой – тюрьмы, третий – физической боли, а четвертый никогда и ни ради чего не пожертвует своей

семьей... Цинично – да, жестоко – да, но работает... И не одну тысячу лет.»

Михаил сидел во внутреннем дворике посольства с книгой в руках. Казалось, он увлеченно читает ее. Но в голове простого чиновника роились мысли, коими он и был всецело поглощен. Необходимо было найти способ помешать планам «директора» государства и его женушки, а если быть откровенным, то помешать надо было спецслужбе иного государства. Самым простым способом упреждения действий оппонентов было создание ложного объекта, и это была азбука деятельности разведки, но проблема состояла в том, что большинство разведчиков мира учились примерно по одним и тем же программам, и поэтому применение упомянутой методики становилось возможным только в одном случае – в случае виртуозного исполнения задуманного. Вот об этом он и думал, делая вид, будто читает увлекательнейшую книгу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «И вновь мои мысли... Прелесть ситуации заключается в том, что меня никто не перебивает, и я могу растечься мыслью по древу, нагло эксплуатируя положение автора. Хотя читатель всегда имеет возможность перевернуть страницу, либо вообще закрыть книгу. Так вот, только представьте, дорогой мой читатель, каким конченным подонком надо быть, дабы, руководя огромной страной, умышленно разрушать ее в угоду своим космополитичным кукловодам, как надо ненавидеть свой народ, дабы целенаправленно делать его нищим, больным и ни во что не верящим.

Представили? А теперь вернитесь в реальность и посмотрите на политиканов своих стран, и вы поймете: все сказанное выше – реальность, и те, кто рулит вашими государствами, далеко не элита, призванная Богом управлять. Это недалекие, часто слабоумные, но зато алчные и беспринципные люмпены, дорвавшиеся до власти и упивающиеся ею.»

По-моему, с политикой я все-таки немного переборщил. Давайте вернемся к романтическим отношениям Татьяны и Андрея.

Сон пятый

Итак, прошло какое-то время, и наши герои вновь встретились. Андрей пригласил Татьяну и Дмитрия (т. к. Татьяне было позволено находиться только в поле видимости охранника) провести время за городом на природе. Татьяна предложила позвать Кирилла. Компания поддержала. И вот четверо молодых людей на двух автомобилях (Кирилл был на своем авто) отправились за город. Отъехав от столицы около ста километров, компания свернула на проселочную дорогу. Еще через десять минут машины остановились возле небольшой старой избушки, стоящей у какой-то большой заводи.

– Мы на месте, – сказал Андрей, выходя из машины.

– А что это за место? – поинтересовалась Татьяна.

– Это собственность вашего государства? – сострил Дмитрий. Шутка удалась, ибо домик был настолько старым и ветхим, что сравнение его со зданием посольства было не в пользу как домика, так и страны, владеющей им.

– Нет, – улыбнувшись, ответил Андрей. – Это собственность друга моего отца.

– Он здесь живет? – спросил Кирилл.

– Нет, он пользуется этим местом как дачей. Мне кажется, я здесь бываю чаще, чем он.

Не успела компания выйти из автомобилей, как из-за до-

ма, пожевывая и темпераментно мотая хвостом, выскочил пес лабрадорской породы, уверенно направив свое движение в сторону Андрея.

– А это сторож, – смекнул Дмитрий.

– Тоже нет, какой из него сторож – это друг. Максимум, что он может, так это зализать кого-либо до смерти.

Знакомство с псом продолжалось несколько минут. Он обошел всех прибывших, обнюхал, облизал и даже пометил колеса обоих автомобилей.

– Знатный зверюга, – отметил Дмитрий, потрепав пса по загривку, за что четвероногий хрюкнул от удовольствия, лизнул руку и еще сильнее замахал хвостом. По всему было видно, что пес соскучился по общению и в данный момент ощущал себя центром всеобщего внимания.

Андрей открыл избушку, компания вошла внутрь.

– Ничего себе рыбацкая изба... – сказал Кирилл, оглядывая помещение.

Надо сказать, что дом только снаружи напоминал лачугу, вернее, он был некогда лачугой и лачугой продолжал оставаться снаружи. Внутри это был современный коттедж с горячей и холодной водой, спутниковым телевидением, профессиональной кухней, холодильниками, диванами и т. д., одним словом, со всем тем, что сегодня принято называть комфортабельным жильем. Видимо хозяин, учитывая временный характер посещения своих владений, решил не привлекать внимание к ним всяческих мародеров внешним ви-

домом апартаментов. И, надо сказать, задумка удалась: все здесь было просто и необычно, старо и ново одновременно. На небольшой лужайке возле дома стоял несколько коряво сооруженный из камней не самым талантливым архитектором мангал. Рядом под навесом громоздилась поленница из дров. Но наиболее ценным был великолепный вид, открывающийся заезжему посетителю: огромная водная гладь не то озера, не то какого-то залива подступала практически к самому дому.

– Как здесь здорово! – воскликнула Татьяна.

– Ато, – сказал Андрей.

Народ купался, загорал, играл в волейбол, варил шурпу, пил вино и пиво – развлекался, одним словом. Под вечер решили остаться ночевать на даче – так всем понравилось. Правда, Дмитрий долго озадаченно разговаривал по телефону со своей женой, но, закончив разговор, улыбнулся и сказал, что ему не придется изменить планы большинства, т. к. к жене приехала ее мама, и, таким образом, она не останется дома одна, ибо в ее положении это не совсем безопасно. Иезуита, как было сказано ранее, не особо интересовали дела дочери, поэтому ей не надо было никому звонить, кто бы мог переживать за нее. Ситуация в семье Кирилла прямо отражала ситуацию в семье Татьяны, а следовательно, ему также не понадобилось согласовывать свое ночное отсутствие в столице. Между тем, Андрей все-таки перезвонил отцу:

– Па, мы здесь, на дяди Володиной даче, с ребятами ре-

шили на ночь остаться. Надеюсь, ты не против.

– Нет. Когда вернешься?

– Думаю, завтра к вечеру буду.

– Не вопрос. Шашлык жарили?

– Только собираемся.

– Ну, тогда съешь немного за меня. Давненько я на природе не бывал.

– Давай махнем на следующие выходные.

– Возможно... Подумаем. Ладно, хорошо провести время.

Завтра увидимся. Пока.

– Пока.

– А я тоже хочу сюда еще раз приехать, – сказала Татьяна.

– И я, – подтвердил Кирилл.

– Да и я бы не отказался, – сказал Дмитрий.

– Вот и приезжайте в следующие выходные.

– А как на это посмотрит твой отец? – поинтересовался

Кирилл.

– Думаю, истерик закатывать не будет. Мне вообще легко с ним: с одной стороны, мы живем каждый своей жизнью и пересекаемся только вечером перед сном или утром, зато у нас никогда не бывает конфликтов – мне кажется, он меня очень хорошо понимает, при этом он, похоже, считает так же.

– А как же насчет конфликта отцов и детей? – спросил

Кирилл.

– Думаю, он должен присутствовать, но его нет. В ка-

кой-то момент мы договорились, что он старше и мудрее, а потому его слово – закон. Я принял эти правила. В общем, у нас все в порядке. Правда, вместе почти не бываем, но иногда по выходным все-таки находим время для совместного времяпрепровождения. Так что, если получится, я смогу познакомить вас с самым мировым предком в мире.

– А в отпуск он ездит без тебя?

– Нет, его отпуск мы проводим вместе. Отдыхаем активно: сплаваемся по речкам на байдарках либо с рюкзаками пешком в горы.

– А мои предки со мной никогда вместе не бывают. Вернее будет сказать, что мы вместе ездим куда-то по миру: либо в суперфешенебельные отели, либо на яхте. Но только отдыхаем каждый сам по себе: отец все время что-то решает по телефону, к нему кто-то постоянно прилетает, и, в общем, он всегда занят, а мать дни напролет изучает предложения местных бутиков либо ресторанов с женами таких же чиновников, ну а мы, дети этих чиновников, предоставлены на отдыхе, как, впрочем, и в повседневной жизни, самим себе под присмотром профессиональных аниматоров и охранников.

– У меня вообще все кисло. Папаша либо с очень серьезными дядьками, либо с сильно похотливыми тетками, причем пребывание и с первыми, и со вторыми ему доставляет удовольствие, а я, похоже, его напрягаю, вот посему отдыхаем мы отдельно: он с перечисленным выше контингентом, а я с няньками, но зато благодаря его деньгам смогла полмира

объездить да языки поучить. Маму вообще смутно помню. Помню только, что с ней мне было хорошо. Отец говорит, что она спилась, и находится на принудительном лечении, и что она меня не хотела ни рожать, ни потом воспитывать, и ему, «бедному», приходится тянуть эту ношу на себе.

– А я вообще ничего рассказывать не буду об отношениях со своими родителями, ибо их уже нет в живых, – сказал Дмитрий.

– Ладно, хватит о проблемах отцов и детей, я есть хочу, – сказала Татьяна. – Кто-то обещал фирменный шашлык и печеную картошку.

Молодежь достала из кладовки раскладные шезлонги, развела на берегу возле причала костер, удобно расположившись вокруг него... Дмитрий следил за костром, а Андрей по праву хозяина нанизал на шампуры заранее замаринованное мясо, завернул в фольгу картошку, предварительно разрезав ее пополам, посолив, поперчив и положив между двумя половинками кусочек сала. Первым делом на образовавшиеся угли положили картофель. Андрей, вооружившись толстой рабочей рукавицей, время от времени переворачивал на углях блестящие фольгированные картофелины. Закончив с картошкой, он приступил к шашлыку. Народ, изнемогая от голода, время от времени торопил кулинара. Вот наконец с приготовлением деликатесов было покончено. Дмитрий раздал всем одноразовые картонные тарелки, вилки, салфетки, а Андрей передал каждому по шампуру с шашлыком. Минут

десять народ изъяснялся междометиями, охая и ахая от удовольствия. Кирилл наливал всем какого-то неплохого красного сухого вина, прихваченного из погребов отца. Компания ела, шутила и смеялась. При этом все было неподдельно и натурально. Никто не пытался казаться лучше, чем он есть на самом деле. Видимо, компания и обстановка располагали. Татьяна выбрала место рядом с Андреем. Вернее, она оказалась между Андреем и Кириллом.

В какой-то момент Кирилл задал вопрос не конкретно кому-то, а в пустоту:

– Как думаете, кем мы все будем? Кем мы на самом деле хотим быть? Кем хотят видеть нас наши родители? И хотим ли мы того, чего ждут от нас наши предки?

– Ну, сударь, вас и тыркнуло... Ты что пил? – хохотнул Дмитрий.

Народ засмеялся.

– Пил то, что сам наливал, просто мне время от времени эти вопросы лезут в голову.

– Дак вы, сударь, не совсем пропащий... То есть у вас есть шанс, – сказал Дмитрий.

– Шанс на что? – поинтересовался Кирилл.

– Шанс не превратиться в отороженного чинушу, не замечающего красоты окружающего мира.

– А почему я вообще должен превратиться в кого-то?

– Да все очень просто. У людей твоего сословия будущее определено их социальным статусом. Короче говоря, у гене-

рала дети будут генералами. В какой-то момент твой отец, памятуя о времени, которое на исходе, вдруг вспомнит о наследнике и об империи, созданной им. Вот в этот самый момент он позовет тебя и скажет: «Сын, время мое уже близко, ты должен понести ношу, которую я нес всю свою сознательную жизнь...» Ну, или что-нибудь в этом стиле. У тебя будет два выхода: пообещать умирающему предку нести непосильную ношу или отказать, что само по себе не по-христиански, а значит, тебе как потомку сердобольных славян не подходит. Дальше вопрос времени, когда ты ощутишь себя предызбранным в великом деле управления безродным плебсом и сохранения созданных предком богатств.

– Похоже, ты совсем плохо обо мне думаешь...

– Да нет, скорее, наоборот, из всей молодежи, с которой мне приходится общаться, вы двое – ты и Татьяна – не пытаетесь быть достойными отпрысками своих предков. Яркое подтверждение тому то, что я, водитель-охранник, сижу с вами за одним столом.

– Ну, скажем, столом это можно назвать с натяжкой, – улыбнулась Татьяна.

– Называй это как хочешь, моя задача – наблюдать за тобой издалека, а я сижу рядом, да еще и умничаю.

– И все-таки, – продолжил Кирилл, – почему ты думаешь, что я должен стать клоном своего отца?

– Ну, во-первых, яблоко от яблони недалеко падает, без обид. А во-вторых, я думаю, что твой отец в детстве мечтал

стать как минимум пожарником, а не чиновником...

– Ты хочешь сказать, что раньше он был другим человеком?

– Уверен.

– Это почему?

– Да успел я людей повидать.

– И много? – вмешалась в разговор Татьяна.

– Немало. И главное, разного народа было, разного.

– Стало быть, мне тоже уготована судьба дочери чиновника?

– Конечно, но с небольшой разницей: ты все-таки женщина, а посему твоей задачей будет обеспечение Иезуиту надежных деловых связей через твое замужество... – сказал Дмитрий, запнулся и чуть погодя добавил: – Извини – сказал, что думал.

– Да ничего, я давно понимаю, что ничего как человек для него не значу, но о замужестве как об удачной партии для папаши как-то не думала.

– Хорошо, вот ты говоришь, что многих повидал, а исключения из этих правил видел? – спросил Кирилл.

– Видел, но ты под них не подходишь.

– Это почему?

– Потому что ты не еврей.

– Вот те нате... А еврей-то чем тебе не угодили?

– Мне – ничем. Вот только евреи в молодости, когда все мечтают быть спортсменами или героями, благодаря влия-

нию предков мечтают занять как можно более высокое место в социальной иерархии.

– Ты что, антисемит? – поинтересовался Кирилл.

– Опять двадцать пять, ну почему, как только кто-то начинает говорить о евреях не в возвышенных эпитетах, так сразу к этому человеку приклеивают ярлык – «антисемит»? Ты когда-нибудь задумывался о том, что на самом деле это слово обозначает, за которое, между прочим, в уголовном кодексе предусмотрена ответственность в виде лишения свободы?

– Не-а.

– Так вот, если открыть любой толковый словарь, то определение антисемитизма трактуется как нелюбовь к евреям. И все. Кстати, я действительно не люблю некоторых евреев, а также абсолютно всех гомосексуалистов и лесбиянок, вот только за нелюбовь к евреям предусмотрена уголовная ответственность, а за нелюбовь к педикам и лесбиянкам – нет. Парадокс, не так ли?

– Ну, ты сравнил. Педиков и евреев.

– Согласен, это я сделал для большего контраста, но ты поставь вместо педиков узбеков, таджиков, татар, да, в общем, любую другую нацию – и нигде не найдешь ответственности за нелюбовь... Чтобы все прояснить, скажу, что евреев я упомянул только потому, что они, будучи в основной своей массе физически слабой нацией, находят свое место под солнцем в просторных чиновничьих кабинетах и у руля большого бизнеса.

– И все-таки, ты ставишь в один ряд евреев и другие народы. Но ведь они очень сильный духом и умный народ.

– Это мы их такими делаем.

– Поясни.

– Сильными их делает нелюбовь всех остальных наций, ибо чем больше какая-либо нация подвергается гонению, тем более она объединяется вокруг самой себя.

– Согласен, а что ты скажешь по поводу их способностей и успешности в бизнесе?

– Да то же, что и говорил. Это мы их делаем такими.

– Слушай, перестань говорить загадками, – возмутилась Татьяна. Вся компания внимательно следила за дискуссией Дмитрия и Кирилла.

– Поверь, евреев идеализируют сами евреи, им принадлежат практически все средства массовой информации, шоу-бизнес и финансы... Они такой же народ, как и все остальные. Средний IQ жителя Индии намного выше среднего IQ жителя Израиля. Заставь евреев в отдельно взятой стране работать по правилам, и ты увидишь, что они не лучше и не хуже всех остальных.

– Можешь поподробнее?

– Конечно. В чем сила наших еврейских финансовых воротил? В том, что они всегда играют не по правилам. Коррупция – главное орудие этого первенства. Заставь чиновников не брать взятки, и ты увидишь, как «непотопляемая» империя Поломойского прекратит свое существование. Ес-

ли антимонопольный комитет начнет преследовать его за монополизацию рынка добычи нефтепродуктов, если налоговая откажется от его щедрых подачек и насчитает штрафные санкции, если прокуратура начнет честное расследование расстрела бизнесмена, попытавшегося откусить кусок его пирога, то очень скоро увидишь не всемогущего олигарха, проживающего с семьей в Швейцарии, а маленького бородатого еврея, у которого не все в порядке с законом. Вот потому я и говорю, что наши чиновники, берущие взятки финансовых воротил, и делают их такими могущественными, какими они есть.

– Ты хочешь сказать, что все зависит от нас?

– Абсолютно. Если мы как граждане страны хотим сделать ее богатой и процветающей, то изменения необходимо начинать с самих себя: не брать и не давать взяток, не проходить мимо, когда кто-то обижает нашего земляка, не писать, простите, в лифтах, не писать в газетах откровенную ложь, даже когда это грозит потерей работы. Быть патриотом не на словах, а на деле. В таком случае мы бы смогли измениться сами и изменить все остальные нации, проживающие с нами на одной территории.

– Звучит красиво.

– К сожалению, пока только звучит. Каждый чиновник, принимая достаточно трудное решение – брать или не брать, в первую очередь думает о своей семье и о своем благополучии, а уже потом об Отечестве.

– И в чем же заключается твой рецепт будущего государственного благополучия? – спросил Кирилл.

– Ну, во-первых, перестать во всех бедах винить евреев. Во-вторых, перестать давать им возможность зарабатывать на наших пороках, то есть от пороков надо избавиться. И, в-третьих, заставить всех без исключения жителей страны жить по принятым в обществе правилам (наказывать, коли провинился, и благодарить, коли заслужил)... У меня много друзей евреев, равно как и много евреев, с кем бы я никогда не сел за один стол, но то же самое я могу сказать и о нашей титульной нации – одних люблю, других – нет.

– А сам-то готов встать под знамена и взять власть в свои руки? – не унимался Кирилл.

– Сначала телеграф, телефон, а потом Смольный? – засмеялся Дмитрий. – Нет, это уже пробовали в семнадцатом, и ничего хорошего из этого не вышло. К сожалению, из меня не выйдет хороший рулевой, так как рулить хорошо я могу только автомобилем, плюс умею стрелять, посему мое место либо за рулем авто, либо за спиной охраняемого объекта, хотя, если честно, то по причине подорванного здоровья охранник из меня уже никакой.

– А здоровье-то где потерял? На фронтах, или пули бандитские? – пошутил Кирилл.

– И то, и другое, – в такт ему ответил Дмитрий и подмигнул Андрею.

Андрей, понимая, что Дмитрий не захочет продолжать те-

му о здоровье, решил увести разговор в другое русло.

– А кто-нибудь умеет запрягать оленей? – с серьезным выражением лица и глядя на пылающие угли, спросил Андрей.

Вопрос повис в воздухе. У Кирилла от удивления открылся рот, а у Татьяны вытянулось лицо. Дмитрий напряженно морщил лоб. Пауза затянулась на несколько секунд, и вот Андрей, не выдержав напряжения, улыбнулся и сказал:

– Да ладно, чего вы тарашитесь – просто пытался разговор поддержать.

Компания громко рассмеялась. Однако, успокоившись, Кирилл продолжил:

– И все же, ты красиво говорил о любви к отечеству, но рулить страной отказываешься. Где логика?

– Просто я, не в обиду будет сказано моей маме, сын кухарки. А что бывает, когда страной рулят кухаркины дети, мы уже видели. Рулить страной в будущем будете вы и люди вашего сословия: у вас и образование, и уже начавшие формироваться фамильные состояния и традиции...

– А при чем здесь состояния? – поинтересовалась Татьяна.

– Да при том, что к власти нельзя допускать нищих. Безусловно, одно только состояние не должно быть входным билетом в клуб рулевых, но я почему-то уверен, что в этом клубе не должно быть бедных.

– Нищие-то тебе чем не угодили? – удивилась Татьяна.

– Нищий человек по своей природе – голодный. Он живет

одним желанием – наесться. Переживший голод будет есть впрок, и поэтому всегда будет переедать, и всегда будет голодным – если хотите, это заболевание больше психологическое, чем физиологическое. Посмотрите на бизнесменов девяностых: заработав не на одну жизнь, они никак не могут остановиться – их гложет постоянное чувство голода, от которого невозможно избавиться. И это, извините, диагноз.

– Но у нас все богатства родом из девяностых, – возразил Кирилл.

– Да. В этом и проблема. Я думаю, должно подрасти новое поколение. Дети или внуки олигархов девяностых – те, кто вырос, не зная нужды, те, кто получили, кроме дорогого и престижного образования еще и хорошее воспитание, те, кто никогда не был голодным и нищим, те, кто сможет сострадать ближнему и ценить людей по их способностям, а не по состояниям и социальному статусу.

– Звучит красиво. Так кто же эти загадочные отпрыски отцов-олигархов?

– Это вы и вам подобные. Вы, если хотите, и есть будущее этой страны. А каким оно будет – светлым или не очень – всецело зависит от вас.

Кирилл вдруг заерзал, пытаясь заглянуть себе за спину или что-то нащупать.

– Что с тобой? – поинтересовался Андрей.

– Слушай. Будь другом, – сказал озадаченный Кирилл, – посмотри: у меня там на спине ничего нет?

Андрей внимательно осмотрелся и отрицательно покачал головой.

– Ну посмотри внимательнее... Точно ничего нет?

– Точно.

– Ну, присмотрись, может хоть что-то?

– Да нет ничего. А что там должно быть?

– Крылья, – улыбнулся Кирилл. Компания разразилась звонким смехом.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Что-то есть в этом беззаботном смехе, не правда ли?»

В какой-то момент зазвонил телефон Кирилла. Поговорив немного тот, отключил телефон и сообщил, что должен ехать в столицу, но, возможно, еще вернется. Ему составили на скорую руку список необходимых продуктов, и пожелали счастливого пути. По воодушевлению, с которым говорил Кирилл по телефону, было понятно, что предстоит встреча с приятным для него человеком, но кто этот человек и что это за встреча, ради которой возможно оставить шашлык и вернуться за сто километров в столицу, мы пока умолчим. И сделаем это, скажем, для усиления интриги.

Итак, Кирилл уехал... Дмитрий достал из авто удочку и уже прилаживал снасть, когда Андрей, оставшись наедине с Татьяной, предложил немного прогуляться по окрестным весям. Какое-то время пара шла молча, видимо, думая каждый о своем, но в конечном итоге об одном и том же. В конце концов, Татьяна первая нарушила молчание.

– Ты всегда такой?

– Какой?

– Ну, немногословный, молчаливый.

– Всегда, – кивнул Андрей.

– А зачем?

– Да имидж такой, – серьезно ответил Андрей и улыбнулся.

Татьяна тоже улыбнулась. Они подошли к небольшому деревянному причалу, возле которого стояла, покачиваясь на волнах, небольшая рыбацкая лодка. Взглянув друг другу в глаза и как бы договорившись, оба спустились в нее. Андрей отвязал веревку, взялся за весла, и лодка быстро заскользила по водной глади. Заплыв за камыши, пара увидела Дмитрия, внимательно наблюдавшего за поплавком. Дмитрий тоже заметил катающихся, и сделал знак Андрею. Тот кивнул в ответ. Скорее всего, Дмитрий напомнил Андрею о правилах – «всегда быть в поле его зрения». Понимая, что плавание в дальние страны без Дмитрия становится невозможным, Андрей поднял весла, забросил их в лодку и отдал судно во власть водной стихии. Какое-то время пара следила за движением облаков и солнца, которое медленно и величественно садилось за линию горизонта. Природа начала плавно менять свои цвета. Они превращались из сочных и ярких в строгие, не столь выразительные и, если хотите, стильные. По мере исчезновения солнца поднимался легкий ветерок. Становилось сыро и прохладно. Татьяна поежилась. Ан-

дрей был одет в льняную рубашу бледно-зеленого цвета поверх футболки аналогичной расцветки. Истолковав движение Татьяны как руководство к действию, Андрей снял рубашу и, зайдя девушке за спину, ловко набросил на ее плечи спасительный утеплитель. Безусловно, ей было приятно внимание Андрея и она посмотрела на него так, как могут смотреть начинающие влюбляться женщины (не путать с похотливыми взглядами голливудских звезд в боевиках и мелодрамах). И вот в этот самый момент Андрей, продолжая начатое движение, зацепился за веревку, не удержался и перевернулся за борт лодки. Плюх о воду получился громким и эффектным: парень вошел в царство Нептуна плашмя и что-то ворча. От такого ныряния град брызг обрушился на Татьяну и она вмиг стала мокрой с ног до головы, я уж молчу об Андрее. Бедолага влез в лодку виновато улыбаясь, а Татьяна, взглянув на него, разразилась веселым звонким смехом. Через мгновенье хохотали все трое, так как Дмитрий, наблюдавший за всеми перемещениями в лодке, стал невольным зрителем головокружительного сальто с водными процедурами. Пока парочка добралась до берега, Татьяна успела изрядно замерзнуть, от чего тряслась и стучала зубами. Улыбающийся Дмитрий встретил на причале возвратившихся с романтической прогулки. Он, вероятно, хотел сострить, но Андрей опередил, сказав первым:

– Как дам сейчас больно по наглой смеющейся... ммм... лицу!

– А меня-то за что, я ведь тебя в воду не сталкивал. Ты лучше ее ударь...

– А меня за что? – удивилась Татьяна.

– А не надо было просить себя одеть.

– А я и не просила... И, кстати, лучше все-таки бить тебя, так как я под твоей защитой... Лишь только я немного согреюсь, буду готова понаблюдать, как вы помутузите друг друга...

– Вот те раз, я всегда говорил, что женщины до добра не доведут, – сказал Дмитрий. – Мелочная банальная ситуация – и она уже нас пытается столкнуть лбами. Я был лучшего мнения о вас, сударыня.

– Да, я коварная, – кокетливо вставила Татьяна. – И вообще, мы, девушки, такие загадочные, что часто забываем, что загадываем, вот и приходится импровизировать. А если честно, то с уходом рыцарских турниров наблюдается уж очень большая нехватка сражений за нас, красивых. Просто иногда хочется увидеть настоящий поединок за даму.

– Ладно, дама, – сказал Дмитрий, – вот тебе халат, я тут нашел и полотенце, иди вытрись и переоденься, а то меня начинает раздражать эта барабанная дробь твоих зубов.

– Фи, хам! – фыркнула Татьяна, кокетливо-небрежно взяла предложенные халат и полотенце и уединилась в ванной комнате.

Ребята переглянулись, улыбнулись и вышли на улицу, дабы развести костер. Через полчаса, а именно столько вре-

мне понадобилось Татьяне, чтобы вытереться и переодеться, компания сидела возле костра, пила чай, заваренный Дмитрием из веточек вишни и смородины, и непринужденно болтала. Дрова в костре весело потрескивали, искры поднимались вверх и сливались со звездами, а тепло, отдаваемое очагом, согревало молодую беззаботную компанию.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Ну, что еще нужно для счастья? И не счастье ли это – сидеть вот так беззаботно у костра, никуда не спеша, болтать о том, о сем, и не смотреть на часы с мыслями о предстоящей работе да раннем утреннем подъеме, о хроническом недосыпании и об очередном исполнении супружеского долга, о доставшем начальнике и его похотливой секретарше, о падении биржевых курсов и повышении стоимости коммунальных услуг и т. д., и т. п.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.